

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Безверхий Д.В. Дело об убийстве майорши О.А. Баженовой: неизвестная страница истории рода знаменитого архитектора В.И. Баженова // Genesis: исторические исследования. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.8.75545 EDN: QWLXHB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75545

Дело об убийстве майорши О.А. Баженовой: неизвестная страница истории рода знаменитого архитектора В.И. Баженова

Безверхий Димитрий Валерьевич

аспирант; Исторический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1Б

✉ mitya.bezverhy@yandex.ru

[Статья из рубрики "Личность в истории"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.8.75545

EDN:

QWLXHB

Дата направления статьи в редакцию:

15-08-2025

Дата публикации:

22-08-2025

Аннотация: Несмотря на наличие большого количества работ, посвящённых биографии великого русского архитектора, живописца и мыслителя Василия Ивановича Баженова (1738–1799), персональная история его потомков мало изучена. Между тем они были помещиками Арзамасского уезда Нижегородской губернии, в котором император Павел I в 1796 г. пожаловал зодчему дворцовые с. Кардавиль, Никольское тож, д. Корино и д. Понетаевку. Многие страницы истории рода Баженовых, дворян Нижегородской губернии, остаются неизвестными широкой публике. Одной из них является убийство Ольги Александровны Баженовой (1820–1855), урождённой дочери коллежского советника Александра Струнина и жены майора Василия Всеволодовича Баженова (1803–1846) – внука известного архитектора. Персональная история (история через

личность) – одно из самых актуальных направлений в современной исторической науке, в которой в настоящее время наблюдается «культурный поворот», в ходе которого происходит уход от макроистории к микроистории. В центре внимания историков, проводящих исследования в русле возрождающегося биографического метода, оказываются судьбы отдельно взятых людей, реконструируемые персональные истории которых необходимы для воссоздания событий прошлого и понимания изучаемой исторической эпохи. В настоящем исследовании привлекался широкий круг источников, а также использовались такие методы исторического исследования, как историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный и др., широко применялись перекрёстный анализ (перекрёстная проверка нескольких источников), биографический метод и методы вспомогательных исторических дисциплин (например, генеалогии). Таким образом, в статье делается попытка реконструкции персональной истории О. А. Баженовой в контексте исторической эпохи, в которой жила помещица, с представлением множества неизвестных ранее сведений из истории рода выдающегося зодчего, найденных в ходе долгих и кропотливых изысканий в таких архивах, как ЦАНО (г. Нижний Новгород), ГАНО (г. Арзамас), РГИА (г. Санкт-Петербург), ЦГА г. Москвы и др. Кроме того, в работе приводятся реконструкции биографий некоторых персон из окружения Баженовых, что значительно расширяет контекст исследования и иллюстрирует применение просопографического подхода (создание коллективных биографий): реконструируются не только биографии ключевых фигур, но и их окружения, выявляя обширные социальные связи семьи Баженовых.

Ключевые слова:

персональная история, биографический метод, источниковедение, краеведение, генеалогия, крепостное право, архитектор Василий Баженов, Арзамасский уезд, Нижегородская губерния, просопография

Несмотря на наличие большого количества работ, посвящённых биографии великого русского архитектора, живописца и мыслителя Василия Ивановича Баженова (1738-1799), персональная история его потомков мало изучена. Между тем они были помещиками Арзамасского уезда Нижегородской губернии, в котором император Павел I в 1796 г. пожаловал выдающемуся зодчему в вечное и потомственное владение дворцовые с. Кардавиль, Никольское тож, д. Корино и д. Понетаевку — всего по 5 ревизии 1795 г. 1000 душ мужского пола и около 15 000 десятин земли [43]. Многие страницы истории рода Баженовых, дворян Нижегородской губернии, остаются неизвестными широкой публике. Одной из них является убийство Ольги Александровны Баженовой (1820-1855), урождённой дочери коллежского советника Александра Струнина и жены майора Василия Всеволодовича Баженова (1803-1846) — внука известного архитектора.

Персональная история (новая биографическая история, история через личность, история в биографиях) — одно из самых актуальных направлений в современной исторической науке. Н. Б. Селунская отмечает, что если «вернуться к изучению хозяйства помещиков-дворян... то работая с массовыми данными, характеризующими посевы, доходы, цены на землю, скот и инвентарь в сотнях и тысячах имений, историк не видит лиц и не интересуется индивидуальными судьбами владельцев этих имений. Эти судьбы выступают на первый план уже при другом подходе и иной исследовательской стратегии историка, когда он будет работать в жанре персональной истории, новой биографической истории,

используя биографический метод. Тогда на первый план выступит личность помещика, его индивидуальный опыт и персональная история, через которую, кстати, историк стремится увидеть и историческую эпоху, в которой жил герой его истории» [\[36, с. 10-11\]](#).

Таким образом, в настоящем исследовании делается попытка реконструкции персональной истории О. А. Баженовой в контексте исторической эпохи, в которой жила помещица, с представлением множества неизвестных ранее сведений из истории рода великого русского зодчего, найденных в ходе долгих и кропотливых изысканий в таких архивах, как ЦАНО (г. Нижний Новгород), ГАНО (г. Арзамас), РГИА (г. Санкт-Петербург) ЦГА г. Москвы и др. Кроме того, в статье приводятся реконструкции биографий некоторых персон из окружения Баженовых, что значительно расширяет контекст исследования и иллюстрирует применение просопографического подхода (создание коллективных биографий): реконструируются не только биографии ключевых фигур, но и их окружения (родственники, восприемники, поручители, соседи-помещики), выявляя обширные социальные связи семьи Баженовых. В работе были рассмотрены персональные истории не только дворян, но и дворовых людей и крестьян, которые были тесно связаны с событиями, описанными в статье, что демонстрирует несомненную значимость «человека второго плана» в истории.

В исследовании привлекался широкий круг источников. Были изучены не только материалы дела об убийстве О. А. Баженовой из РГИА и церковные документы (метрические книги, исповедные росписи) из ЦГА г. Москвы, ЦАНО, ГАНО (г. Арзамас) и др., но и также, к примеру, документы из таких фондов ЦАНО, как Арзамасский уездный суд (Ф. 153. Оп. 97), Арзамасский городовой магистрат (Ф. 118. Оп. 25), Арзамасская дворянская опека (Ф. 653. Оп. 129а), Нижегородское губернское правление (Ф. 5. Оп. 46, 47, 48), Нижегородская палата гражданского суда (Ф. 177. Оп. 766), Нижегородское дворянское депутатское собрание (Ф. 639. Оп. 124, 125, 126) и др. (духовные завещания, формулярные списки, опекунские отчёты по управлению имениями, дела о внесении в дворянскую родословную книгу, списки дворян, судебные дела о долговых разбирательствах и разделе имущества и др.). Все дореволюционные даты приведены в статье по старому стилю.

Как уже известно, в 1805 г., уже после смерти В. И. Баженова, имения, пожалованные ему в Арзамасском уезде, были поделены между его тремя сыновьями. Для проживания генерал-майор и кавалер Константин Баженов (1771-1826) выбрал д. Корино, генерал-майор Владимир Баженов (1772-1820) — д. Понетаевку, полковник Всеволод Баженов (1774-1843) — с. Кардавиль. На 1805 г. в Кардавиле, Корине и Понетаевке было уже 1215 душ, и каждому из Баженовых досталось чуть больше 400 душ и около 5000 десятин земли. Братья владели крепостными в каждом населённом пункте [\[50\]](#). Константин, Владимир и их семьи впоследствии потеряли своё имущество за долги, и лишь Всеволоду удалось сохранить свои владения в Кардавиле, Корине и Понетаевке, которые позднее перешли по наследству его старшему сыну Василию. Данные населённые пункты ныне располагаются на территории Шатковского района Нижегородской области.

Василий Всеволодович Баженов, родившийся 9 марта 1803 г. в г. Рыбинске Ярославской губернии, был незаконнорождённым (внебрачным) сыном полковника Всеволода Баженова и лютеранки Марии Фёдоровны (Христиановны) — урождённой Шевиус, по первому браку Мельниковой (ок. 1776-1843). Его мать, исповедовавшая лютеранство, имела немецкие и шотландские корни, а в 1832 г. перешла в православие. В 1821 г. Василий был узаконен высочайшим указом Александра I за собственноручным

подписанием императора. После узаконения он был отдан на воспитание в Дворянский полк — военно-учебное заведение в Санкт-Петербурге [\[1, с. 62-68\]](#).

Согласно военной газете «Русский инвалид», в 1825 г. Василий выпустился из Дворянского полка и поступил на службу в лейб-гвардии Московский полк [\[31\]](#), где служил в 1825-1829 гг. и от прапорщика дослужился до поручика [\[32\]](#). В 1829 г. поручик Баженов был переведён капитаном в 30-й егерский полк [\[33\]](#). В 1831 г. Василий вышел в отставку по домашним обстоятельствам с чином майора [\[34\]](#). По окончании военной службы он вернулся к родителям в родовое имение Кардавиль. Уже в 1831 г. Василий был записан вместе с ними в исповедной росписи по Кардавилю [\[68, л. 32106\]](#). Ещё 7 января 1827 г. по прошению отца Василий был внесён в третью часть дворянской родословной книги Нижегородской губернии по Арзамасскому уезду, а утверждён в дворянском достоинстве 8 мая 1845 г. [\[87\]](#).

27 мая 1838 г. 35-летний Василий Всеходович обвенчался первым браком в московской Крестовоздвиженской церкви на Убогих домах (она же церковь Иоанна Воина на Божедомке) с Ольгой Александровной Струниной, которая была младше его на 17 лет [\[99\]](#). В ходе настоящего исследования выяснилось, что Ольга родилась 22 июня 1820 г. в Москве в доме умершей купеческой вдовы Анастасии Гавриловны Барышевой в семье служащего в Правительствующем сенате титулярного советника и ордена св. Анны 3 степени кавалера Александра Ивановича Струнина (впоследствии дослужился до коллежского советника) и его жены Устиньи Фёдоровны — урождённой дочери подканцеляриста Василькова. Крещение Ольги состоялось 27 июня в Георгиевской церкви в Грузинах, её восприемниками (крёстными родителями) стали служащий в Правительствующем сенате титулярный советник и кавалер Василий Георгиевич (Егорович) Хатенов (Хотенов) и девица Мария — дочь титулярного советника и кавалера Сергея Александровича Иванова [\[107\]](#).

В ходе изучения и сравнения различных документов был сделан вывод, что отец Ольги Александровны родился около 1780 г., а мать — около 1786 г. В формулярном списке Струнина за 1803 г. был указан его возраст — 23 года [\[29\]](#). Александр происходил из приказных, его отец Иван Петрович был канцеляристом (мать Александра — Евдокия Васильевна N). Согласно исповедной росписи московской церкви Успения на Вражке, в 1798 г. Устинье Фёдоровне, проживавшей в приходе этой церкви вместе со служащим в Правительствующем сенате дядей Петром Васильевичем Васильковым, было 12 лет [\[104\]](#). Устинья унаследовала от родного дяди здание каменных торговых бань в Лефортовской части г. Москвы, которое она продала в 1840 г. [\[93\]](#).

Помимо Ольги у Александра Струнина родилось ещё как минимум девять детей: Михаил (1811-1853), Пётр (1813-не ранее 1857), Мария (1815-1888), Иван (1817-ок. 1874), Клавдия 1-я (1818-1820), Евгений (1823-ок. 1874), Клавдия 2-я (1824-не ранее 1878), Павел (1825) и Николай (1827). Михаил и Пётр появились на свет в Санкт-Петербурге, остальные дети — в Москве. Павел и Николай умерли во младенчестве и были погребены вместе с Клавдией 1-й на Ваганьковском кладбище (захоронения утеряны). Михаил был крещён в Троице-Измайловском соборе, Пётр — в церкви Покрова в Большой Коломне. Иван, Клавдия 1-я, Павел и Николай были крещены в церкви Смоленской иконы Божией Матери на Плющихе (она же церковь Рождества Богородицы за Смоленскими воротами или на Арбате), Мария была крещена в церкви Девяти Мучеников близ Пресни, Клавдия 2-я — в Князь-Владimirской церкви в Старых Садех, а

Евгений был крещён в церкви Пимена в Новых Воротниках. Семья часто переезжала с квартиры на квартиру до тех пор, пока не обзавелась собственным деревянным домом на каменном фундаменте под № 637 (ранее № 560) в 4-м квартале Сущёвской части г. Москвы. Струнины потеряли свой московский дом (их единственное имение) за долг коллежскому асессору и кавалеру Павлу Петровичу Копылову, который получил его в своё владение в 1845 г.

Михаил, Пётр, Иван, Евгений, Мария, Ольга и Клавдия 2-я были внесены вместе с отцом в третью часть дворянской родословной книги Московской губернии [\[92\]](#). За год до венчания Ольга Александровна Струнина окончила Московский Екатерининский институт благородных девиц (без шифра или медали, лишь с аттестатом) [\[21, с. 489\]](#). В исповедной росписи домовой церкви Екатерининского института за 1832 г. значится коллежского асессора Александра Иванова сына Струнина дочь Ольга (11 лет) [\[105\]](#). На 1838 г. отец Ольги занимал в Правительствующем сенате должность обер-секретаря [\[99\]](#).

Что касается поручителей (свидетелей) на венчании Баженова и Струниной, то со стороны жениха ими стали частный пристав Яузской части, коллежский советник и кавалер Митрофан Андреевич Карепин (вместо отца жениха), титулярный советник и кавалер Василий Георгиевич Хатенов, полковник и кавалер Александр Степанович (Стефанович) Ефремов; со стороны невесты — коллежский советник и кавалер Александр Иванович Струнин и служащий в Правительствующем сенате губернский секретарь Михаил Александрович Струнин [\[99\]](#). Будучи холостым, старший брат Ольги Александровны скончался в Москве в 1853 г. от холеры, а похоронен Михаил был на Ваганьковском кладбище (захоронение утеряно) [\[108\]](#).

Примечательно, что Митрофан Карепин упоминается как «частный пристав какой-то из московских частей» в воспоминаниях Андрея Михайловича Достоевского (1825-1897) — брата знаменитого писателя. Брат Митрофана, Пётр Карепин, был женат на Варваре Михайловне Достоевской (1822-1893) [\[18, с. 108\]](#). Сам Пётр Андреевич был поручителем на венчании Марии Александровны Струниной и штаб-лекаря Николая Павловича Жарова (1820-1864), которое состоялось в 1843 г. [\[103\]](#). У Жаровых появилось на свет как минимум четверо детей, крещённых в церкви Трёх Святителей у Красных ворот, близ которой у Николая Павловича был собственный дом: Александра (1844-не ранее 1853), Лидия (1845-не ранее 1869), Павел (1846-1848) и Владимир (1847-1848). Мария Александровна была погребена вместе с мужем в Москве на Лазаревском кладбище, где были погребены и их малолетние сыновья (ликвидировано в советское время) [\[35, с. 443\]](#).

Ольга Александровна родила Василию Всеволодовичу пять детей: Марию, Александра, Софью, Ольгу и Всеволода. Ранее уже были опубликованы даты рождения Александра, Ольги и Всеволода, обнаруженные в метрических книгах Покровской церкви с. Кардамиля [\[2, с. 73\]](#), однако сведения о рождении Марии и Софии в этих книгах найдены не были и оставались неизвестными. По данным из исповедных росписей церкви с. Кардамиля было лишь известно, что Мария родилась около 1839 г., а Софья — около 1842 г., однако возраст, указанный в исповедных росписях, далеко не всегда точен.

В ходе настоящего исследования в надежде найти записи о рождении двух правнучек В. И. Баженова было принято решение обратиться к метрическим книгам Крестовоздвиженской церкви на Убогих домах, в приходе которой в собственном доме проживали родители Ольги Александровны. И действительно, записи о рождении дочерей отставного майора Василия Всеволодовича Баженова и его законной жены

были выявлены в метрических книгах именно этой московской церкви.

В метрической книге за 1839 г. имеется запись о рождении 8 августа 1839 г. Марии Васильевны Баженовой, крещена в Крестовоздвиженской церкви 12 августа (восприемники: Пётр Александрович и Устинья Фёдоровна Струнины) [\[100\]](#). В метрической книге за 1842 г. имеется запись о рождении 17 мая 1842 г. Софьи Васильевны Баженовой, крещена в Крестовоздвиженской церкви 21 мая (восприемники: Василий Георгиевич Хатенов и Мария Александровна Струнина) [\[102\]](#). В метрической книге за 1841 г. была также найдена запись о смерти отца Ольги Александровны Баженовой, умершего 10 февраля 1841 г. в возрасте около 61 года от «нервической горячки» (устаревшее название тифа). В книге Александр был ошибочно записан как надворный советник [\[101\]](#). Согласно метрической книге Никольской церкви в Хамовниках, крёстный отец Ольги Александровны скончался 5 апреля 1847 г. в возрасте 67 лет от чахотки (туберкулёза) [\[110\]](#). Александр Струнин и Василий Хатенов были погребены на Ваганьковском кладбище, их захоронения утеряны.

Рассмотрим подробнее сведения о рождении других детей Василия Всеволодовича и Ольги Александровны из метрических книг Покровской церкви с. Кардавиля. Александр родился в Кардавиле 22 апреля 1841 г., крещён в Покровской церкви 24 апреля (восприемники: полковник Всеволод Васильевич Баженов и вдова майорша Мавра Григорьевна Челищева) [\[14, л. 26об-27\]](#). Ольга родилась в Кардавиле 1 ноября 1844 г., крещена в Покровской церкви 2 ноября (восприемники: ротмистр и помощник директора Нижегородской ярмарки Василий Иванович Ешевский и вдова надворная советница Елизавета Ивановна Кашкарова) [\[14, л. 97об-98\]](#). Всеволод родился в Кардавиле 28 декабря 1845 г., крещён в Покровской церкви 3 января 1846 г. (восприемники: ротмистр Василий Иванович Ешевский и сестра Ольги Александровны, которая часто именовалась в метрических книгах в качестве восприемницы как «из столичного города Москвы коллежского советника дочь девица Клавдия Александрова г-жа Струнина») [\[14, л. 137об-138\]](#).

Исследователь всегда должен обращать особое внимание на восприемников при крещениях и поручителей на венчаниях, ведь эти неслучайные имена зачастую иллюстрируют родственные, дружеские, соседские и профессиональные связи изучаемого семейства.

Вдовая майорша Мавра Челищева, ставшая крёстной матерью Александра Баженова, была помещицей соседнего с Кардавилем с. Кирман, а также д. Козловки и с. Измайлова Арзамасского уезда. В ходе исследования её ранее неизученной биографии была найдена несостыковка. Дело в том, что 31 января 1813 г. отставной майор Адам Иванович Челищев обвенчался вторым браком в Трёхсвятительской церкви с. Кирман с, как указано в записи из метрической книги этой церкви, «московской 2-ой гильдии купчихой девицей Маврой дочерью Григорьевой». Поручителями на венчании стали именно Баженовы: д. Понетаевки помещик и генерал-майор Владимир Баженов и д. Корина помещик, генерал-майор и кавалер Константин Баженов [\[15\]](#).

Мавра, задолго до замужества с Челищевым сожительствовавшая с ним в его московском доме в Леонтьевском переулке (сохранился в изменённом виде), в исповедной росписи Воскресенской церкви на Успенском Вражке за 1802 г. была упомянута как 26-летняя «племянница его девица Марфа Григорьева» (видимо, племянница Челищева по его первой жене — Анне Николаевне N) [\[106\]](#). Однако в ходе

архивных изысканий выяснилось, что Мавра, упоминавшаяся до замужества с Адамом всюду как девица (т. е. женщина, никогда не состоявшая в браке), до Челищева уже была замужем. По неизвестной нам причине факт её первого замужества был скрыт в церковных документах.

Согласно метрической книге Спасской церкви г. Арзамаса, Адам Челищев ушёл из жизни 26 декабря 1824 г. в возрасте 75 лет от натуральной болезни (т. е. по естественным причинам), а его прах обрёл вечный покой в Высокогорской пустыни [\[79\]](#). Однако по сведениям самой Мавры, её муж скончался в Арзамасе 24 декабря [\[46, л. 2\]](#). Вероятно, 24 декабря отставной майор скончался, а 26 декабря был погребён. Согласно духовному завещанию Челищева, датированному 9 марта 1823 г., имения с крепостными и землёй в с. Кирманах, с. Измайлово и д. Козловке Арзамасского уезда (всего по 7 ревизии дворовых людей и крестьян 177 душ), купленные им в 1795 г. у князя Алексея Леонтьевича Шаховского, а также каменный дом в Тверской части г. Москвы достались его жене [\[46, л. 1\]](#).

Имения в Арзамасском уезде, которые Мавра унаследовала от второго мужа, она предоставила, как значится в её духовном завещании от 4 декабря 1843 г., своему **родному сыну от первого брака — полковнику Ивану Христиановичу Кролю**, служащему в Корпусе инженеров путей сообщения [\[49, л. 11\]](#). Согласно формулярному списку И. Х. Кроля, он был сыном иностранного купца и исповедовал православие. От первого брака (имя первой жены пока неизвестно) у Кроля были сыновья Николай и Пётр и дочь Любовь, а от второго брака с дворянкой Натальей Андреевной Кнорре у него была дочь Александра [\[23\]](#). Автором настоящего исследования было установлено, что в Кирманах жила и воспитывалась Любовь Ивановна Кроль (в первом браке жена поручика Пенхержевского, во втором — капитана Голубцова, в третьем — графа Кушелева-Безбородко) — внучка Челищевой и известная в своё время авантюристка. Любовь провела детство в арзамасском имении бабушки. Согласно исповедной росписи церкви с. Кирман, в 1831 г. родной внучке Мавры было 2 года [\[68, л. 418о6\]](#). Любовь наверняка посещала соседнее имение Баженовых и была знакома с потомками архитектора. Челищева завещала Кроль «серебро, драгоценные камни, жемчуг, белье и платья», а также обязала сына выдать внучке по выходе в замужество 10 000 руб. серебром [\[49, л. 4о6\]](#). В 1847 г. Любовь вышла замуж за поручика Пенхержевского, по случаю замужества дочери 16 октября 1847 г. И. Х. Кролю было выдано 2000 руб. серебром [\[23\]](#).

Известно, что во время своего пребывания в Дрездене Любовь Ивановна познакомилась с Фёдором Достоевским (1821-1881). В «Дневнике писателя» за 1876 г. он вспоминает, как его знакомая, русская графиня К., проживавшая тогда в Дрездене, в 1871 г. «по-простонародному» выругала немцев, когда те начали при ней критиковать Россию [\[19, с. 286-287\]](#). Согласно метрической книге православной церкви Архангела Михаила в Каннах, внучка Челищевой скончалась 13 апреля 1900 г. от мочеизнурения, 27 апреля Любовь была погребена на каннском протестантском кладбище [\[111\]](#).

В своём завещании Мавра Григорьевна Челищева указала, что «если смерть настанет меня в городе Арзамасе, то положить бренные остатки мои в монастырь Высокогорской пустыни возле мужа моего, а если в селе Кирманах, то возле церкви похоронить без малейшей пышности с одним духовником и приходским священником в простом дубовом черною краскою окрашенным гробе» [\[49, л. 3-3о6\]](#). Смерть настигла Мавру в Кирманах.

Согласно записи из метрической книги кирманской церкви, Челищева скончалась 7 декабря 1843 г. в возрасте 67 лет (причина смерти не указана), 11 декабря помещица была погребена при Трёхсвятительской церкви [63]. Согласно метрической книге Воскресенского собора г. Арзамаса, сын Мавры от первого брака скончался в Арзамасе 8 сентября 1856 г. в возрасте 65 лет «скоропостижно, от апоплексического удара». Иван Христианович Кроль, вице-директор Департамента рассмотрения проектов и смет и генерал-майор Корпуса инженеров путей сообщения, был погребён 11 сентября в своём имении в с. Кирманах при церкви (вероятно, рядом с матерью) [9, л. 258об-259].

Известно, что Адам Челищев завещал своё имение в сельце Донцы Михайловского уезда Рязанской губернии подпоручику Ивану Адамовичу Каютову (по 7 ревизии дворовых людей и крестьян 84 души), а также обязал Ивана и Мавру выплачивать денежное пособие коллежскому секретарю Александру Александровичу Каютову [95]. Но кем же приходились Челищеву Каютовы? Из документов московского архива стало известно, что Иван и его родные братья Александр и Николай были воспитанниками Челищева, записанными в 1799 г. в московское 3-ей гильдии купечество (по Кошельной слободе). Согласно ревизской сказке за 1811 г., Иван и его братья происходили из «незаконнорождённых», а фамилия Каютов была дана им Челищевым с разрешения Московского магистрата в 1806 г. [97].

Нет сомнений, что Александр, Иван и Николай Каютовы — внебрачные сыновья Адама Челищева, которых майор так и не узаконил. В 1807 г. Александр был исключён из купечества, избрав другой род жизни [97]. Видимо, Челищев пристроил сына на гражданскую службу, т. к. в 1818 г. он упоминался в метрической книге церкви с. Кирман в качестве восприемника как «служащий в Московском почтамте губернский секретарь Александр Адамов сын Каютов» [78]. Александр определённо приходился Челищеву сыном, ведь первая жена Адама, не оставившая майору наследников, последний раз упоминалась в исповедной росписи Воскресенской церкви на Успенском Вражке за 1790 г. (согласно ней, возраст Адама на 1790 г. — 33 года, Анны — 28 лет), а согласно метрической книге этой церкви, уже 15 августа 1791 г. у Челищева появился на свет сын Александр [98], который, однако, не был записан как незаконнорождённый, но с такими случаями мы уже встречались [1, с. 63]. Александр упоминался и как Адамович, и как Александрович (по крёстному отцу — Александру Фёдоровичу Бибикову). Записи о рождении Ивана и Николая найдены не были, но они также родились в 1790-е гг. На 1811 г. Николаю было 15 лет [97]. Иван в ревизской сказке за 1811 г. был записан как Алексеевич (по крёстному отцу), однако впоследствии упоминался уже почти только как Адамович.

Николай Каютов (по крёстному отцу Николаевич) в завещании Адама упомянут не был, о его судьбе сведений пока нет. В ревизской сказке купцов Кошельной слободы г. Москвы за 1816 г. было указано, Николай «с 1813 года капиталу не объявлял и к подаче ревизской сказки не явился» [96]. По прошению Челищева в 1811 г. Иван Каютов был исключён из купечества и определён в Московский университет, откуда он поступил на военную службу [94]. Впоследствии Иван дослужился до подпоручика и стал родоначальником дворянского рода Каютовых в Рязанской губернии. Известно, что в 1826 г. Мавра Челищева была свидетелем со стороны Каютова на его венчании с Елизаветой Павловной Кондратьевой в московской церкви Николая Чудотворца в Хлынове [109]. В 1829 г. Иван Адамович продал своё рязанское имение жене. К слову, Каютов также посещал Арзамасский уезд и с. Кирманы и был знаком с Баженовыми,

ведь он был одним из тех, кто засвидетельствовал в 1824 г. заёмное письмо в 50 000 руб. ассигнациями, данное подпоручиком Мстиславом Владимировичем Баженовым (1799-1824) поручице Анне Петровне Авдеевой [\[51, л. 858-859\]](#). Также Мстислав был должен Мавре Челищевой 3000 руб. ассигнациями [\[51, л. 851-852о6\]](#).

Неизвестно, что именно связывало Баженовых и Василия Ешевского — крёстного отца Ольги и Всеволода Баженовых, в записях о рождении которых он именовался ротмистром и помощником директора Нижегородской ярмарки (ротмистр — это капитан в кавалерии). В исповедной росписи Варваринской церкви г. Нижнего Новгорода за 1845 г. автором настоящего исследования было случайно обнаружено семейство Ешевских: капитан Василий Иванович Ешевский (49 лет), его жена Александра Васильевна (33 года, урожд. Перфильева) и их дети: Стефан (16 лет), Анастасия (12 лет) и Василий (7 лет) [\[71\]](#). В ходе исследования было выяснено, что Василий Иванович, дворянин Костромской губернии, был помещиком сельца Шоргутова Кологривского уезда. 6 февраля 1829 г. в Шоргутове появился на свет упомянутый в исповедной росписи сын Ешевского — Стефан (Степан), ставший впоследствии выдающимся историком и профессором Московского университета (крещён 10 февраля, восприемник — капитан 1 ранга и кавалер Гавриил Иванович Невельской) [\[51\]](#). Степан Васильевич ушёл из жизни в Москве 27 мая 1865 г., был погребён на Ваганьковском кладбище (могила утеряна) [\[35, с. 442\]](#).

Что касается Елизаветы Кашкаровой, крёстной матери Ольги Васильевны Баженовой, то удалось выяснить, что она была помещицей с. Федотова, с. Худошина, с. Верякуш и д. Дерновки Ардатовского уезда, расположенных неподалёку от Кардавиля. Эти имения она получила в наследство после смерти мужа — надворного советника Алексея Алексеевича Кашкарова (ок. 1759-1824) [\[1, с. 59-60\]](#). Кашкарова по большей части проживала в Федотове, но у неё также был дом в Арзамасе на Сальниковой улице (нынешняя улица Карла Маркса).

В Арзамасе Елизавета Ивановна была прихожанкой Воскресенского собора, 61-летняя вдова была отмечена в исповедной росписи этого собора за 1854 г. [\[8\]](#). Надворная советница ушла из жизни в с. Федотове 11 августа 1855 г. Согласно метрической книге Знаменской церкви, Кашкарова скончалась в возрасте 63 лет «от поноса и рвоты» (возможно, от дизентерии). 15 августа помещица была погребена в Федотове (вероятно, рядом с мужем) [\[83\]](#). В ходе изысканий было найдено духовное завещание Елизаветы Кашкаровой, датированное 2 октября 1852 г., благодаря которому стала известна её девичья фамилия — Приклонская. Согласно завещанию, имения Елизаветы достались её племяннику — коллежскому регистратору Петру Ивановичу Приклонскому (сын родного брата Елизаветы — гвардии подпоручика Ивана Ивановича Приклонского) [\[24\]](#).

Примечательно, что в метрической книге Покровской церкви с. Кардавиля в записи о рождении крепостного (апрель 1840 г.) в качестве его восприемников были указаны «майор Василий Всеволодович Баженов и дочь его девица Мария Васильевна Баженова» [\[14, л. 30б-41\]](#). На тот момент Марии Баженовой было 8 месяцев. Она также значится крёстной матерью крепостных в метрической книге в сентябре и октябре 1841 г. вместе с Всеволодом Баженовым: «села Кардавили помещик полковник Всеволод Васильев Баженов и г. майора Василия Всеволодова Баженова дочь девица Мария Васильева Баженова», «села Кардавили помещик полковник Всеволод Васильев сын Баженов и г. майора Баженова дочь девица Мария Васильева Баженова» [\[14, л. 29, 30\]](#).

Однако по указу Святейшего правительствующего синода от 27 августа 1837 г. восприемниками не могли становиться лица, не достигшие церковного совершеннолетия (не моложе 15 лет для лиц мужского пола и 13 лет для лиц женского пола) [\[22\]](#). Таким образом, церковь запрещала малолетним детям и младенцам становиться восприемниками. Мария Баженова, будучи ещё младенцем, просто не могла выполнять обязанности крёстной матери. Её упоминание в метрической книге как восприемницы имеет исключительно символическое значение. Между тем на примере Баженовых мы видим, что имелись случаи нарушения указа 1837 г.

В исповедной росписи церкви с. Кардавиля за 1843 г., поданной 19 августа, значатся на тот момент ещё живая вдовая помещица и полковница Мария Фёдоровна Баженова (66 лет), помещик и майор Василий Всеволодович Баженов (42 года), его жена Ольга Александровна (24 года) и их дети: Александр (3 года), Мария (4 года) и Софья (1 год) [\[69\]](#). В исповедной росписи за 1845 г. майор ещё был записан, в ней значатся помещик и майор Василий Всеволодович Баженов (42 года), его жена Ольга Александровна (23 года) и их дети: Александр (4 года), Мария (6 лет), Софья (3 года) и Ольга (8 месяцев) [\[70, л. 865\]](#).

Но в роспись за 1846 г. Василий Всеволодович уже не был внесён. Согласно метрической книге, 20 апреля 1846 г. он скончался в своём имении в возрасте 43 лет. Причиной смерти стала некая «неизвестная болезнь». 23 апреля его тело было предано земле при Покровской церкви с. Кардавиля [\[14, л. 1480б-149\]](#). Ольга Александровна сама писала в одном из своих прошений, что её муж ушёл из жизни именно 20 апреля 1846 г. [\[89\]](#). 29 января 1847 г. у вдовы Василия по неизвестным нам причинам скончался во младенчестве сын Всеволод. Он был похоронен рядом с отцом 31 января [\[14, л. 1700б-171\]](#). Младенец Всеволод успел попасть в исповедную роспись церкви с. Кардавиля за 1846 г., поданную 9 сентября. В ней значатся помещица и майорша Ольга Александровна Баженова (24 года) и её дети: Александр (5 лет), Всеволод (6 месяцев), Мария (7 лет), Софья (4 года) и Ольга (1 год) [\[72\]](#). В росписи за 1848 г., поданной 20 сентября, значатся вдовая помещица Ольга Александровна Баженова (26 лет) и её дети: Александр (7 лет), Мария (9 лет), Софья (6 лет) и Ольга (3 года) [\[73, л. 767\]](#).

После смерти мужа Ольга Александровна была назначена опекуншей над имением своих малолетних детей и проживала вместе с ними в с. Кардавиле. В опекунском отчёте майорши по имени её детей за 1847 г. отмечалось, что за их обучение Баженова заплатила священнику с. Кардавиля 12 руб. серебром [\[54, л. 25\]](#). Возможно, кардавильский священник (на тот момент — Дмитрий Васильевич Щеглов) обучал малолетних Баженовых грамоте. В отчёте за 1853 г. сообщалось, что «старшая дочь [Мария] в селе Кардовиле при матери, для обучения ее находится гувернантка, сын [Александр] отдан в ноябре 1853 г. в Нижегородский дворянский институт и две дочери [Софья и Ольга] в Нижегородский женский институт 10 января 1854 года» [\[54, л. 100б\]](#).

Софья и Ольга были отданы на воспитание в Нижегородский Мариинский институт благородных девиц, а Александр был определён в Нижегородский Александровский дворянский институт. Их сестра Мария по неизвестным нам причинам не стала воспитанницей какого-либо учебного заведения. Видимо, гувернанткой Марии Баженовой была Александра Александровна Дмитриева, упоминающаяся в метрической книге Покровской церкви с. Кардавиля за 1853 г. в качестве восприемницы как «госпожи Баженовой гувернанка Александра Александрова Дмитриева» [\[82\]](#). Согласно

опекунским отчётом, в 1851-1853 гг. на содержание Ольги с детьми и гувернанткой ушло в сумме почти 1500 руб. серебром. Отдельно стоит упомянуть жалование гувернантки. В 1851 г. оно составило 120 руб. (за 6,5 месяцев), в 1852 г. — 342 руб., а в 1853 г. — 200 руб. [\[55, л. 3; 54, л. 3, 11\]](#). В 1852 г. 30 руб. ушло «доктору на лечение детей, бывших первой раз в сильной кори» [\[54, л. 4\]](#). Также в опекунском отчёте за 1848 г. упоминались траты на лечение крестьян [\[54, л. 31\]](#). В 1851 г. на выписку музыкального журнала для детей Ольга потратила 11 руб. 50 коп. и для них же за прописи для письма и рисования она отдала 2 руб. [\[55, л. 4, 6\]](#).

В списке дворян Арзамасского уезда за 1854 г. перечислены дети вдовы майорши Ольги Александровны Баженовой, которые значатся проживающими вместе с ней в с. Кардавиле: Александр (13 лет), Мария (15 лет), Софья (11 лет) и Ольга (10 лет). Согласно источнику, на 1854 г. в их владении находилось наследственное имение в д. Корине (168 душ мужского пола и 150 душ женского пола) и с. Кардавиле (150 душ мужского пола и 137 душ женского пола), всего 318 душ мужского и 287 душ женского пола [\[85\]](#). Ещё в 1853 г. баженовские крестьяне Понетаевки (16 душ) были переселены в Кардавиль [\[39\]](#).

Возможно, Ольга Александровна так бы и продолжила управлять вотчиной до совершеннолетия всех своих детей и в итоге дожила бы до глубокой старости, если бы осенним вечером 1855 г. в семье Баженовых не произошла трагедия: мать семейства была смертельно ранена выстрелом в шею. В ходе исследования были изучены материалы дела об убийстве майорши О. А. Баженовой из РГИА, обстоятельства которого подробно рассматриваются в настоящей статье [\[27\]](#). Аналогичное дело имеется на хранении в ЦАНО [\[86\]](#). Материалы дела дополняются и уточняются различными фактами, установленными в ходе изучения других архивных источников, т. к. исследователь не может полагаться лишь на один источник, важно прибегать к перекрёстному анализу, т. е. перекрёстной проверке нескольких источников.

Вечером, 13 сентября 1855 г., в канун праздника Воздвижения Креста Господня, Ольга Александровна Баженова отстояла всенощную в Покровской церкви с. Кардавиля. После неё она вернулась в господский дом вместе с бывшими у неё в гостях прaporщицей Евдокией Каллиниковной Недосекиной (ок. 1807-не ранее 1858; помещица д. Князёвки Арзамасского уезда) и Марией Фёдоровной Гераклитовой — 11-летней дочерью смотрителя Арзамасского уездного училища (родилась в Арзамасе 24 июля 1844 г.) [\[9, л. 206\]](#).

По приходе домой Ольга Александровна приказала готовить чай, для которого посередине залы был поставлен круглый стол, расположенный около находившегося тут же фортепиано, которое стояло в простенке между окнами, выходящими в сад и обращёнными в сторону церкви. Напившись чаю, Баженова села за фортепиано и начала на нём играть, её же дочь Мария вместе с Недосекиной и Гераклитовой остались за столом. Спустя некоторое время внезапно раздался оглушительный ружейный выстрел, от которого разлетелись оконные стёкла и выбило обе рамы. Марию Баженову от выстрела «контузило в плечо», от испуга она и гости пришли в полное беспамятство. Когда испуганная дочь Ольги опомнилась, то в ужасе увидела, что её мать, сидевшая за фортепиано, упала на музыкальный инструмент. Из шеи майорши Баженовой текла кровь [\[27, л. 8-806\]](#). Этот аккорд стал для Ольги Александровны последним. В опекунских отчётах майорши по имени её детей неоднократно упоминались траты на настройку

этого фортепиано, ставшего в итоге частью кровавой страницы истории рода Баженовых [\[55, л. 5; 54, л. 3, 11, 32\]](#).

Фадей Васильевич Богатин (примерный возраст на 1855 г. — 29 лет), крестьянин с. Кардавиль Баженовых, вечером 13 сентября был сторожем при доме своих господ. Незадолго до трагедии он обошёл вокруг господского дома, где уже был подан огонь, и зашёл в здание кухни, которое располагалось в 14 саженях (почти 30 метров) от главного дома. Помимо других лиц, в кухне находилась дворовая жёнка Олимпиада Николаевна Строкина, которая через несколько минут после прихода Богатина пошла в дом Баженовых накрывать на стол для ужина. Олимпиада ушла, но вскоре вернулась в испуге и сказала, чтобы все скорее шли в барский дом [\[27, л. 91\]](#).

Прибежавший в дом Богатин увидел Ольгу Александровну, «сидевшую на стуле, опершись головою о фортепиано» [\[27, л. 2\]](#). Мария Баженова велела ему встать у окна, боясь, что выстрелы могут повториться. Увидев, что мать истекает кровью, она немедленно послала к соседям — помещикам А. Ф. Тархову (с. Кардавиль) и Е. А. Копиевой (с. Понетаевка). Раненную Ольгу Александровну перенесли в постель и напоили водой. Богатин побежал в церковь ударить в набат, после чего «в дом сбежалось очень много народа». Получив известие о случившемся в имении Баженовых происшествии, коллежский секретарь Александр Фёдорович Тархов (ок. 1810-1897) и дочь умершего генерал-майора Елизавета Алексеевна Копиева (ок. 1805-1888) немедленно прибыли в господский дом Баженовых, найдя Ольгу Александровну в постели в самом болезненном состоянии, в доме же толпилось множество людей и царил совершеннейший беспорядок [\[27, л. 80б\]](#).

На следующий день в постели от полученных ран Баженова скончалась. Тело майорши после медицинского освидетельствования 17 сентября 1855 г. было предано земле при церкви с. Кардавиля [\[27, л. 8\]](#). Похоронами Ольги занималась её сестра Клавдия Струнина, которая потратила на них почти 330 руб. серебром, а также взяла из приходской церкви в долг покров для погребения покойной стоимостью 100 руб. серебром [\[57, л. 3, 41\]](#). Согласно записи о смерти помещицы из метрической книги Покровской церкви с. Кардавиля, Ольга Александровна была «убита из ружья, как видно из свидетельства, данного земской полицией» [\[14, л. 316об-317\]](#). В записи указано, что убитой было 34 года, однако ей было на год больше.

Генерал-майор и кавалер Фёдор Васильевич Анненков (1805-1869), военный губернатор Нижегородской губернии, поручил расследование убийства старшему чиновнику особых поручений Александру Дмитриевичу Жданову, который для поиска виновных предпринял поезки в Арзамас и его окрестности [\[27, л. 11\]](#). Свидетели покушения находились в шоковом состоянии и не могли вспомнить все детали происшествия. Мария Баженова подозревала дворовых и крестьян в убийстве матери, основываясь на том, что однажды, возвращаясь с матерью из Корина домой и подъезжая к Кардавилю, она увидела, что за ними гонятся неизвестные люди, от которых они едва успели уехать. Кроме того, вечером, перед совершением покушения на Баженову, их комнатная собака по кличке Полкан, которая была постоянным компаньоном Ольги Александровны, пропала и появилась уже только на следующий день [\[27, л. 80б\]](#). В момент трагедии в Кардавиле из детей Баженовой была лишь 16-летняя Мария, ставшая свидетелем смерти матери, остальные же дети по исповедной росписи церкви с. Кардавиля были в отлучке уже второй год [\[75, л. 780\]](#). В исповедных росписях церквей г. Арзамаса за 1855 г. было обнаружено упоминание Ольги Александровны в качестве прихожанки Воскресенского

собора, проживающей у себя в имении [\[75, л. 6\]](#).

Приходской священник с. Кардавиля, Никита Яковлевич Тихов, напутствовавший Баженову на смертном одре, на допросе показал, что она никого в случившемся не подозревала и не знала, кто в неё выстрелил [\[27, л. 8о6\]](#). 14 сентября со слов Ольги Александровны, уже чувствовавшей приближение смерти, но всё же успевшей позаботиться о детях, было написано духовное завещание, по которому она отдавала свой арзамасский дом, купленный ею в 1852 г., в вечное и потомственное владение дочерям. Родовое же имение её детей было впоследствии поделено между ними в законном порядке.

Дворовые люди и крестьяне Баженовых на допросах показали, что не располагают сведениями о том, кто убил помещицу [\[27, л. 9о6-10\]](#). Они также показали, что не слышали звук выстрела [\[27, л. 2\]](#). Ничего об убийце не знали и крепостные соседних помещиков: А. Ф. Тархова (с. Кардавиль), Е. А. Копиевой (с. Понетаевка), И. Х. Кроля (с. Кирманы, д. Козловка) и Г. Н. Виноградова (д. Корино) [\[27, л. 10\]](#). Стоит отметить, что помещик Александр Тархов был ближайшим соседом Баженовых. Он также постоянно проживал в Кардавиле вместе со своим многочисленным семейством. Клавдия Струнина стала крёстной матерью многих детей Тархова и его жены Федосьи Александровны (ок. 1824-1894; урожд. Ренова), рождённых и крещённых в Кардавиле: Петра (1849), Натальи (1850), Николая (1852), Веры (1853), Иулии (Юлии) 1-й (1856), Иулии (Юлии) 2-й (1857). Крёстным отцом Николая Тархова стал штабс-капитан Севского пехотного полка и кавалер Евгений Струнин — брат Ольги Баженовой [\[14, л. 203о6-204, 226о6-227, 247о6-248, 269о6-270, 321о6-322, 347о6-348\]](#).

В ходе своей военной службы Евгений Струнин отличился участием в подавлении Венгерского восстания в 1849 г. и Крымской войне 1853-1856 гг. В 1857-1863 гг. он занимал должность городничего в г. Семёнове Нижегородской губернии [\[40, л. 9о6-14\]](#). За ранения, полученные в походах против неприятеля, брат Баженовой был причислен ко второму классу раненых [\[40, л. 14\]](#). Примечательно, что в 1871 г. Евгений сообщил, что крестили его в Москве в церкви Пимена, а вот на вопрос, кем были его восприемники, он не смог ответить, так как не помнил этого [\[41\]](#). Между тем у него и его сестры Ольги были одни и те же крёстные родители. Согласно формуллярному списку Струнина от 3 сентября 1863 г., он был женат на дочери титулярного советника Анне Яковлевне Саханской, на момент составления списка детей у него не было [\[40, л. 10\]](#). В 1871 г. Евгений упоминался уже вдовцом, а из его детей была указана 7-летняя дочь Мария [\[41\]](#). Вероятно, жена Струнина была дочерью Якова Фёдоровича Саханского — титулярного советника и дворянина Черниговской губернии [\[28\]](#).

Подпоручик Пётр Александрович Струнин, уволенный из сформированной в период Крымской войны Сергачской дружины государственного подвижного ополчения № 164 Нижегородской губернии для излечения некой болезни и проживавший с августа 1855 г. в арзамасском доме Ольги, подозревал в убийстве сестры дворовых и крестьян и в особенности находившегося при нём дворового человека Петра Савельевича Строкина, который часто по неизвестным причинам отлучался из арзамасского дома и был озлоблен на Баженову за её жестокое с ним обращение, сказав однажды, что «лучше быть в Сибири, нежели служить ей» и что «если б не дети — не пожалел бы себя» [\[27, л. 10-10о6\]](#).

2 октября 1855 г. А. Д. Жданов напал на след преступника. 6 октября, после неоднократных допросов, Пётр Строкин (примерный возраст на 1855 г. — 42 года) сознался в убийстве майорши Ольги Александровны Баженовой [27, л. 4-406]. Как показывают ревизские сказки, Строкин происходил из крестьян д. Корина. Он родился около 1813 г. в семье Савелия Кузьмича и Федосьи Строкиных и впоследствии был переведён из крестьян д. Корина в дворовые с. Кардавиля [42, л. 49606].

По показаниям Строкина, его соучастниками были баженовские крестьяне с. Кардавиля: Андрей Ильич (примерный возраст на 1855 г. — 28 лет) и Севастьян Фёдорович (примерный возраст на 1855 г. — 39 лет) Жданкины. Андрей и Севастьян были братьями по матери. Севастьян происходил из крестьян д. Корина и впоследствии был переведён в крестьяне с. Кардавиля, где его мать Акулина Григорьевна венчалась во второй раз после смерти первого мужа [42, л. 50206]. Во втором браке у неё и родился сын Андрей. На допросах Жданкины показали, что Строкин был их дальним родственником [27, л. 1106].

Ещё весной 1855 г. Пётр условился с братьями Жданкиными непременно убить барыню. Для этого он купил в Корине у знакомого солдатского сына Михаила ружьё за 1 руб. серебром [27, л. 1006]. Строкин спрятал ружьё у Севастьяна Жданкина, который, по словам Петра, и сам хотел убить Баженову. Жданкин намеревался убить барыню в то время, когда она ездила осматривать принадлежащую ей лесную дачу (участок земли с лесом), но встретить Баженову ему так и не удалось [27, л. 5]. По показаниям Фадея Богатина, Севастьян подговаривал его убить Баженову, о чём Богатин сказал самой барыне, однако последняя не предприняла никаких действий [27, л. 1106-12]. Подвергнутая неоднократным допросам жена Строкина, Олимпиада Николаевна (примерный возраст на 1855 г. — 27 лет), показала, что о намерении мужа убить барыню не знала и соучастницей преступления не была [27, л. 12].

За неделю до убийства Строкин забрал у Жданкина ружьё, порох и три пули, одну из которых он выбросил. Пётр зарядил ружьё и спрятал его в пустом барском амбаре [27, л. 1006]. По показаниям Строкина, кроме Жданкиных никто о его намерении убить Баженову не знал [27, л. 11]. Сами Жданкины отрицали свою причастность к убийству помещицы. Севастьян Жданкин на допросах показал, что не хранил у себя ружьё и не давал Строкину пули с порохом, однако при обыске в доме Севастьяна был найден кусок олова [27, л. 1106]. Строкин присовокупил, что к исчезновению барской собаки по кличке Полкан он не имел никакого отношения [27, л. 11].

Накануне покушения Пётр был отправлен Ольгой Александровной в Арзамас для установки в её доме зимних оконных рам. В доме Баженовой он окончательно принял решение убить ненавистную барыню. 13 сентября, во вторник, никому не сказав, убийца рано утром покинул Арзамас. По дороге в Кардавиль он зашёл в с. Луканово (около 5 вёрст от Кардавиля) узнать у местных жителей время. Пастух или скотник, у которого Пётр захотел узнать время, обратился к дьячку Спасской церкви Василию Ивановичу Касторскому (ок. 1797-1864), который сообщил, что «будет часа четыре по полудни», т. е. 16:00. Также Строкин зашёл в Луканове в кузницу. Пётр прибыл в вотчину своих господ вечером, когда уже смеркалось. В имении он пробыл недолго и ни к кому не заходил [27, л. 1006].

По прибытии в Кардавиль Строкин взял из амбара ружьё, прокрался через рощу к

барскому дому и подошёл к окну, в котором увидел сидящую за фортепиано Ольгу Александровну. Пётр прицелился и произвёл выстрел в окно [\[27, л. 11\]](#). Дробь попала Баженовой в шею. Скорее всего, убийца целился барыне в голову, но промахнулся. От выстрела в голову майорша сразу бы скончалась. Между тем ранения в шею всё равно оказались несовместимы с жизнью. Две пули ранили Баженову «в левую сторону нижней части шеи и, оставив на этом месте одну круглую рану, вылетели, одна — поверх правой лопатки, другая — почти против затылка, на расстоянии одна от другой на полтора вершка. Опаленный на наружной части дома косяк свидетельствует, что выстрел произведен в упор» [\[27, л. 106\]](#). Рана была величиной в полвершка (2,22 см) [\[27, л. 8\]](#). Пули не застряли в теле майорши, вылетев насквозь, но даже после тщательного обыска они не были найдены в доме [\[27, л. 8\]](#).

После выстрела убийца бросился бежать в березовую рощу, а оттуда устремился в поле. Одноствольное кремнёвое ружьё с простым деревянным шомполом, из которого он застрелил помещицу, было спрятано им в двух верстах от Кардавиля в стоге сена в овраге Филимушка (именно такое название оврага приводится в деле об убийстве Баженовой) [\[27, л. 11\]](#). А. Д. Жданов действительно нашёл орудие убийства в этом месте [\[27, л. 506\]](#). В ходе исследования было установлено современное местоположение этого оврага, его примерные координаты — 55.139332, 43.853300. На межевом плане 3-й части с. Кардавиля (1853 г.) он был отмечен как овраг Филимониха [\[90\]](#). В годы советской власти примерно в этом месте одно время существовала деревня Филимушка (впоследствии ликвидирована).

Глубокой ночью Строкин вернулся в Арзамас и заночевал в доме Баженовой, а утром, в праздник Воздвижения, был у обедни вместе с братом убитой — Петром Струниным. Рано утром, ещё до обедни, пришедшие в дом плотники объявили Строкину и Степану Павловичу Ерёмину, крестьянину д. Корина (примерный возраст на 1855 г. — 54 года), бывшему тогда сторожем при городском доме Ольги, что барыню застрелили из ружья. Ерёмин удивился этой новости, однако Строкин попросил его пока не говорить об этом брату Ольги [\[27, л. 11\]](#). Струнин узнал о несчастье уже после обедни по дороге домой от кардавильского крестьянского мальчика Моклаева, обучавшегося в Арзамасе столярному мастерству [\[27, л. 10\]](#). Все полагали, что Строкин безотлучно находился в Арзамасе, что снимало с него всякие подозрения. Ничего не подозревавшие Клавдия Струнина и Мария Баженова брали его с собой уже после совершения убийства для сопровождения в Нижний Новгород, откуда они вместе вернулись в Кардавиль 30 сентября [\[27, л. 406\]](#).

Признавшийся в убийстве Баженовой Пётр Строкин заявил на допросах, что к этому преступлению его вынудило жестокое обращение барыни. «Бажениха», как Ольгу прозвали крепостные, давала дворовым людям самое скучное содержание, назначала крестьян на господскую работу в воскресные дни и злоупотребляла властью над крепостными: позволяла себе наказывать их розгами и допускала даже наказание плетью и бритье голов. Между прочим, население арзамасских имений Баженовых было преимущественно мордовским (эрзя). Мордва в этих имениях была крещена в первой половине XVIII в., о чём автору любезно сообщил краевед Е. И. Парадеев (г. Москва). Отношение потомков архитектора В. И. Баженова к местному населению ярко иллюстрирует тот факт, что младший сын зодчего, Всеволод Баженов, называл мордову «хищными зверями» [\[47\]](#).

Строкин был поваром у Баженовой и получал для себя, жены, четырех малолетних детей

(Ивана, Пелагеи, Евдокии и Матроны) и тещи, вдовы Стефаниды Михайловны Пищаевой, самое скудное содержание. По словам убийцы, одежды им не выдавалось никакой [27, л. 121], хотя в вышеупомянутых опекунских отчётах майорши Баженовой в 1847 г. было отмечено, что на одежду и обувь дворовых людей (согласно исповедным росписям, около 30 человек) было потрачено 15 руб. серебром, в 1848 г. — 20 руб., в 1851 г. — 25 руб., в 1852 г. — 25 руб., в 1853 г. — 25 руб., тогда как за эти же годы на одежду и обувь для Ольги и её детей ушло в сумме свыше 1500 руб. [55, л. 3, 4; 54, л. 3, 11, 25, 31].

Строкин назначался работать каждый день без выходных и праздников, неоднократно без причины был наказан розгами, постоянно получал от барыни взыскания. Баженова, отправляя Строкина в Арзамас для выполнения оконных работ, выдала ему на содержание одну пятиалтынную монету (монета достоинством 15 копеек), которая была до того стёрта, что её взяли только как гривенник (монета достоинством в 10 копеек) [27, л. 121].

Примечательно, что майорша Баженова и её дети были восприемниками большинства детей будущего убийцы. 10 ноября 1847 г. Строкин обвенчался в Кардавиле первым браком с дворовой девкой Олимпиадой Николаевной Пищаевой [14, л. 168об-169]. Ольга Александровна стала крёстной матерью Пелагеи (1848), её сын Александр — крёстным отцом Евдокии (1850), её дочь Мария — крёстной матерью Матроны (1854) [14, л. 185об-186, 225об-226, 290об-291].

На допросах другие дворовые люди также показали, что получали самое скудное содержание и терпели от Баженовой жестокое обращение. Между тем предводитель дворянства Арзамасского уезда А. Ф. Вешняков и окрестные помещики отзывались об Ольге как о хорошей помещице и про её жестокое обращение с крепостными ничего не знали. 29 августа, за две недели до убийства Баженовой, её дворовая девка Александра Трофимова, покинувшая барский дом из-за жестокого обращения, подала на помещицу жалобу военному губернатору Ф. В. Анненкову. Жалоба была препровождена предводителю дворянства Арзамасского уезда, однако он оставил её без внимания [27, л. 71].

По словам Александры, она была неоднократно без всякой причины жестоко наказана розгами, и **Баженова собственоручно отрезала её косу и обрила ей голову**. Одежды Трофимовой не выдавалось никакой, а из еды были только чёрный чёрствый хлеб и пустые щи, говядина выдавалась лишь на Рождество и Пасху. Баженова могла наказывать крепостную по несколько раз в день [27, л. 120б]. Согласно исповедной росписи церкви с. Кардавиля, в 1855 г. Александре было 22 года [75, л. 780об]. Вероятно, майорша была зла на Трофимову и за то, что последняя прижила сына. В метрической книге церкви с. Кардавиля за 1854 г. была найдена запись о рождении у Александры 1 марта 1854 г. незаконнорождённого сына Василия [14, л. 286об-287]. В исповедной росписи за 1855 г. Василий не был записан, в метрических книгах с. Кардавиля за 1854-1864 гг. запись о его смерти не имеется. Видимо, после смерти Баженовой Трофимова вернулась в Кардавиль, т.к. в исповедной росписи церкви с. Кардавиля за 1856 г. отмечено, что она была на исповеди. Тем не менее её незаконнорождённый сын не был указан в росписи [76]. В исповедной росписи за 1861 г. 27-летняя Трофимова значилась в отлучке один год [77, л. 896об].

Ирина Егоровна Кирюшкина (ум. 1886), жена крестьянина Тимофея Михайловича

Кирюшкина (в деле об убийстве майорши ошибочно указано, что отчество Тимофея — Иванович), вместе с мужем просила Баженову дать им хлеба, но помещица отказалась. Ирина, которой в 1855 г. было около 46 лет, для прокормления своего семейства была вынуждена просить милостыню, о чём было известно самой Ольге Александровне. **Многих женщин, в т.ч. и беременных, Баженова наказывала на барской работе нагайкой из собственных рук.** Беременная крестьянка Мария Кононовна Судаева (урожд. Конкина, примерный возраст на 1855 г. — 33 года) от побоев Баженовой упала на землю, а барская собака изгрызла ей руку [\[27, л. 1206\]](#). В 1855 г. Судаева действительно была беременной, согласно метрической книге церкви с. Кардавиля, 27 июня у неё родился сын Павел, умерший 19 июля того же года [\[14, л. 305об, 315об\]](#).

Также Баженова наказала нагайкой жену Андрея Ильича Жданкина, предполагаемого соучастника убийства, — Дарью Степановну (1829-1862; урожд. Белкова). В деле об убийстве Баженовой сообщается, что помещица наказала и большую дочь Ирины Кирюшкиной — Евгению [\[27, л. 1206\]](#). Однако в ревизских сказках дворовых и крестьян с. Кардавиля Баженовых за 1850 и 1858 гг. никакая Евгения в семействе Кирюшкиных не значилась. В метрических книгах записи о её рождении или смерти также найдены не были. Согласно исповедной росписи за 1855 г., у Кирюшкиных было три дочери: Ева (15 лет), Устинья (12 лет) и Евдокия (8 лет) [\[75, л. 783\]](#). Возможно, в деле об убийстве Баженовой речь шла о Еве?

По показаниям крестьян с. Понетаевки Е. А. Копиевой, с. Кирман И. Х. Кроля, д. Корина Г. Н. Виноградова, до них доходили слухи, что Баженова заставляла работать своих крестьян и в будние, и в воскресные дни и сама находилась на работах, на которых собственоручно наказывала крепостных, за что они на неё и роптали. Что касается баженовских крестьян д. Корина, то в своих показаниях они не сообщили о каком-либо жестоком обращении Баженовой, что и понятно, ведь Корино находилось неблизко (в наше время расстояние от Корина до Кардавиля — около 20 километров), и гнев кардавильской барыни не доходил до коринских крестьян [\[27, л. 13\]](#).

Летом 1855 г., пока Баженова была в отъезде в Нижнем Новгороде, её дворовый мальчик, Михаил Егорович Жданкин (примерный возраст на 1855 г. — 16 лет), намеренно сломал её туалетный ящик, но ничего из него не украл. Сделал он это для того, чтобы покинуть барский дом, где Ольга его постоянно била, не кормила и не одевала. Жданкин сознался в порче ящика, за что барыня наказала его розгами и как мелкого преступника отправила из имения на содержание в рабочий (рабочий) дом [\[27, л. 13\]](#). Вероятно, после гибели Баженовой Михаил был возвращён в Кардавиль, т. к. в исповедной росписи церкви с. Кардавиля за 1856 г. отмечено, что он был на исповеди [\[76\]](#). В исповедной росписи за 1861 г. 21-летний Михаил значился в отлучке один год [\[77, л. 897\]](#).

По словам гвардии штабс-капитана и кавалера Александра Фёдоровича Вешнякова, предводителя дворянства Арзамасского уезда, жалоб от дворовых и крестьян Баженовой на её жестокое с ними обращение до него не доходило, кроме жалобы дворовой девки Александры Трофимовой начальнику губернии. Будучи соседом Баженовой, Вешняков знал майоршу в вопросе управления ею крестьянами и дворовыми с хорошей стороны [\[27, л. 13-13об\]](#). Неподалеку от Кардавиля он владел имением в с. Архангельском-Кобылине, уроженцем которого, вероятно, и был. Согласно исповедной росписи церкви с. Архангельского-Кобылина, Александру, сыну секунд-майора Фёдора Петровича

Вешнякова, в 1796 г. было 3 года [\[12, л. 29об\]](#). Предводитель дворянства считал, что при опекунстве Баженовой состояние имения её детей только улучшилось [\[27, л. 13об\]](#). Вешняков не только не принимал своевременных мер по прекращению бесчеловечных действий Баженовой, побудивших одного из дворовых людей убить её, но и получив от начальника губернии жалобу одной из дворовых девок на притеснения со стороны Баженовой, он даже не провёл по ней дознания, отозвавшись о помещице одобрительно.

Александр Тархов, Елизавета Копиева, Клавдия и Иван Струнины отзывались об Ольге Александровне как об «отличной» опекунше над имением её детей и никогда не замечали за ней, чтобы она жестоко обращалась с крепостными [\[27, л. 13об\]](#). К слову, фамилия Елизаветы Алексеевны была именно Копиева, а не Копьева, как ошибочно указано во многих источниках. Её отец всегда писал свою фамилию в документах таким образом: «Копіевъ» [\[53\]](#).

Евдокия Недосекина знала Баженову как соседнюю помещицу с хорошей стороны и даже слышала от её крестьян, что Ольга для них — «весьма хорошая барыня». О жестоком обращении прапорщица якобы ничего не знала [\[27, л. 13об\]](#). Между тем Недосекина сама была уличена в жестоком обращении с крепостными. Известно, что в страстную пятницу 1847 г. Евдокия нанесла своей крепостной девке Олимпиаде Петровой «жестокие побои». Об этом стало известно предводителю дворянства А. Ф. Вешнякову, который тогда своевременно принял меры и призвал Недосекину прекратить издевательства над Олимпиадой, однако прапорщица продолжила наносить ей побои, вследствие чего крепостная пустилась в бега [\[56, л. 41об-42\]](#).

Такие арзамасские помещики, как коллежский асессор Николай Ильич Танеев (с. Архангельское-Кобылино), подпоручик Алексей Никанорович Трескин (с. Тоузаково), вдова титулярная советница Анна Григорьевна Попова (с. Постниково), вдова коллежская советница Марфа Григорьевна Краскевич (с. Никольское-Кобылино) по слухам знали Баженову также с хорошей стороны и ничего про её жестокое обращение с крепостными не знали. Поручик Николай Логинович Бётлинг (бывший помещик с. Постникова) и коллежский асессор Фёдор Петрович Алексеев (помещик с. Бестужева) сообщили, что ничего про управление Баженовой имением её детей не знали, т. к. вот уже несколько лет не были у неё в гостях [\[27, л. 13об\]](#). Между тем Бётлинг и Алексеев были одними из тех, кто засвидетельствовал домашнее завещание Ольги 14 сентября 1855 г.

Вышеупомянутый Иван Струнин, брат Баженовой, был неслужащим дворянином. Он был определён в Дворянский полк в августе 1833 г., однако в январе 1836 г. оставил службу и вернулся на попечение родителей [\[45\]](#). Иван не имел своего собственного имения и выбрал в жёны бригадирскую дочь Наталью Ильиничну Танееву — помещицу с. Никольского-Кобылина и с. Архангельского-Кобылина Арзамасского уезда и родственницу известного композитора. Сергей Иванович Танеев (1856-1915) был племянником Натальи Ильиничны.

Венчание Струнина и Танеевой состоялось 7 февраля 1851 г. в Троицкой церкви с. Архангельского-Кобылина, оба венчались первым браком (поручители со стороны жениха — предводитель дворянства Ардатовского уезда, коллежский регистратор и помещик с. Архангельского-Кобылина Василий Николаевич Левашёв и помещик с. Ореховца Ардатовского уезда прапорщик Григорий Яковлевич Мартос; со стороны

невесты — предводитель дворянства Арзамасского уезда Александр Фёдорович Вешняков и помещик с. Костянки Арзамасского уезда, полковник и кавалер Николай Николаевич Кутлубицкий) [\[13\]](#).

Примечательно, что жена была старше мужа почти на 20 лет. Наталья, дочь бригадира Ильи Михайловича Танеева, родилась в Архангельском-Кобылине 24 ноября 1799 г. (восприемники: её брат Николай и сестра Надежда) [\[12, л. 53о6\]](#). В метрической книге архангело-кобылинской церкви в записи о своём рождении Наталья была ошибочно записана как Екатерина, под этим именем записывалась в исповедных росписях за 1800-1801 гг. (1800 г. — 1 год, 1801 г. — 2 года), однако в росписи за 1802 г. имя Екатерина было зачёркнуто и заменено Натальей, после чего Танеева записывалась всюду уже только как Наталья [\[12, л. 88о6, 96, 117\]](#). Исповедная роспись за 1805 г. ярко иллюстрирует многочисленность семейства Танеевых, в ней были записаны бригадир Илья Михайлович Танеев (53 года), его жена Александра Михайловна (39 лет) и их дети: Николай (13 лет), Михаил (12 лет), Сергей (11 лет), Иван (9 лет), Василий (3 года), Надежда (20 лет), Александра (19 лет), Настасья (17 лет), Анна (16 лет), Кириак (15 лет) и Наталья (5 лет) [\[12, л. 170о6\]](#). В росписи за 1796 г. в семействе Танеевых была также отмечена двухмесячная дочь Мария, умершая, по всей видимости, в раннем возрасте [\[12, л. 27\]](#).

Супруги Струнины постоянно проживали в Архангельском-Кобылине, в исповедной росписи Троицкой церкви за 1855 г. значатся Иван Александрович Струнин (37 лет), его жена Наталья Ильинична (55 лет) и сестра Натальи — бригадирская дочь Кириака Ильинична Танеева (62 года) [\[75, л. 297\]](#). К слову, за месяц до убийства сестры Иван Струнин был задержан полицией в Нижнем Новгороде за пьянство и буйственные поступки [\[38\]](#).

Наталья Ильинична Струнина пережила мужа. В исповедной росписи церкви с. Архангельского-Кобылина за 1873 г. Иван Струнин (54 года) ещё был записан вместе с Натальей (71 год), а в 1874 г. его имя уже было зачёркнуто, а жена отмечена вдовой госпожой [\[64, л. 485о6, 503\]](#). В метрических книгах этого села запись о смерти Ивана найдена не была. 76-летняя Наталья последовала за мужем 26 августа 1876 г., 28 августа дворянка была погребена в ограде при Троицкой церкви с. Архангельского-Кобылина [\[64, л. 367о6-368\]](#).

К слову, меньше чем через год после гибели Ольги Александровны её брат Пётр попытался совершить самоубийство. 4 мая 1856 г. Струнин, находившийся на улице в Казарменной слободе г. Арзамаса, захотел средь бела дня удавиться, тугу завязав на шее тесёмку. От этого непоправимого поступка его смогли удержать мещанин Семён Александрович Цыбышев, мещанка Акулина Трофимовна Морозова, солдатка Анна Юдановна Зотова и будочник Семён Ефимович Филиппов [\[67, л. 15-16\]](#). По словам Цыбышева, когда он прибежал на подмогу, перед ним открылась такая картина: дрожа всем телом, Струнин лежал на земле, «у рта пена клубом, из носа сопли, лицо синее, руки подведены к шее и обе вместе», а на шее дворянина находилась тесёмка, которую самоубийца пытался затянуть как можно крепче [\[67, л. 16\]](#). По показаниям очевидцев, Пётр Александрович был «будто бы вне ума» [\[67, л. 21\]](#).

Вышеупомянутые лица пытались привести Струнина в чувства и освободить его шею, но он упорно сопротивлялся и требовал от них только одно: «зарежьте меня, предайте смерти». Наконец, шея была освобождена, но Пётр, находившийся в совершеннейшем помешательстве, попытался также проглотить лежавшую на земле кость, чтобы

подавиться, но и от этого его успели удержать [\[67, л. 18-18о6\]](#). После инцидента Струнин был помещён на 8 дней в Арзамасскую градскую больницу [\[67, л. 21\]](#). Сам Пётр отрицал случившееся и говорил, что у него не было причин совершать суицид и что он ничего не помнит и не знает, как оказался в больнице [\[67, л. 18о6, 21о6\]](#). Между тем Струнин, проживавший в арзамасском доме наследников погибшей сестры, в то время не состоял на службе, был лишён всяких средств к существованию и находился в самом бедном и скучном положении [\[67, л. 18о6, 20о6\]](#). За попытку самоубийства по распоряжению Нижегородской духовной консистории Пётр был предан церковному покаянию сроком на пять лет [\[67, л. 13\]](#). После случившегося он был передан в с. Архангельское-Кобылино на попечение брату Ивану, однако в 1857 г. сообщалось, что Пётр уехал из Арзамасского уезда в Москву [\[67, л. 28\]](#). Дальнейшая судьба брата Баженовой пока неизвестна.

Подробного рассмотрения также заслуживает личность Евдокии Недосекиной как одной из свидетельниц убийства майорши Баженовой. В ходе исследования удалось реконструировать некоторые моменты её ранее неизученной биографии. Выяснилось, что Евдокия Каллиникова (также упоминалась как Калентьевна, Калентий — вариант имени Каллиник), дочь штаб-лекаря и коллежского асессора Каллиника Михайловича Соколовского, с младенчества жила и воспитывалась в Арзамасском уезде в семье генерал-лейтенанта и кавалера Николая Осиповича Кутлубицкого (1775-1849) — генерал-адъютанта императора Павла I, коменданта Михайловского замка и помещика с. Костянки Арзамасского уезда. Отправляясь на службу в дальние края, Каллиник Соколовский оставил дочь у генеральши Лачиновой, которая, в свою очередь, передала её на воспитание Кутлубицким [\[56, л. 42-42о6\]](#). В 1821 г. Соколовский упоминался служащим при карантинных заставах в Грузии [\[20, с. 548\]](#). Вероятно, мать Евдокии ушла из жизни в родах или вскоре после рождения дочери.

В 1827 г. Николай Осипович и его жена Евдокия Савельевна (1777-1840; урожд. Ваксель), воспитатели и благодетели Евдокии, выдали её замуж за арзамасского штаб-лекаря и коллежского асессора Ивана Алексеевича Костомарова (1791-1837). Венчание было совершено 9 сентября 1827 г. в Покровской церкви с. Костянки. Поручителями на венчании стали статский советник и кавалер Дмитрий Егорович Полчанинов (Полочанинов), надворный советник Иван Иванович Краскевич, поручик Иван Егорович Карапулов, штабс-капитан Владимир Николаевич Зорин и гвардии поручик Павел Николаевич Кутлубицкий [\[165\]](#). В записи о браке отец невесты упоминается уже покойным.

3 мая 1837 г. первый муж Евдокии скончался. Вероятно, Костомарова отпевали в Троицкой церкви г. Арзамаса, т. к. одним из тех, кто засвидетельствовал его духовное завещание, датированное 6 апреля 1837 г., был священник именно этой церкви — Иоанн Соколов. К сожалению, найти запись о его смерти не представляется возможным, т.к. приходской вариант метрической книги Троицкой церкви за 1837 г. не сохранился, а в консисторском раздел об умерших отсутствует [\[180\]](#). Дата смерти Костомарова известна по «Русскому биографическому словарю» А. А. Половцова [\[30, с. 305\]](#).

Примечательно, что Кутлубицкие именовали воспитанницу Софьей Николаевной. В своём завещании Иван Костомаров указал, что его «достойная» жена Евдокия Каллиникова, которую он назначил единственной наследницей всего своего имущества, «по воле благодетелей ее, генерал-лейтенанта Николая Осиповича Котлубицкого и супруги его Авдотьи Савельевны, в обществе имянуется Софьею Николаевною» [\[66, л. 21\]](#). Видимо, воспитатели Евдокии так обращались к ней с самого её младенчества. В большинстве

документов воспитанница Кутлубицких упоминается как Евдокия Каллиникова, однако в части официальных прошений в присутственные места она именует себя Софьей Николаевной. И это действительно один и тот же человек, ведь в одном из прошений Евдокия поставила подпись таким образом: «прапорщица Авдотья Калинникова, известная в обществе под именем Софьи Николаевой, Недосекина руку приложила» [\[44\]](#).

Во второй раз Евдокия вышла замуж за отставного прапорщика Николая Александровича Недосекина (ок. 1801-не ранее 1866) — помещика с. Кирман, продавшего своё имение коллежской асессорше Екатерине Матвеевне Пастуховой в 1849 г. [\[25\]](#). Николаю же это имение досталось в наследство от матери Надежды Михайловны (ок. 1769-1841) [\[48\]](#). В исповедной росписи церкви с. Кирманы за 1831 г. были записаны вдовая гвардии корнетша Надежда Михайловна Недосекина (62 года) и её сын — отставной прапорщик Николай Александрович (30 лет) [\[68, л. 421об\]](#). В метрической книге кирманской церкви за 1831 г. Николай Александрович Недосекин и вышеупомянутая Любовь Ивановна Кроль (примерный возраст на 1831 г. — 2 года) были отмечены восприемниками новорождённого сына дворового человека Надежды Михайловны [\[16\]](#).

К слову, Надежда Михайловна — дочь Михаила Андриановича Стремоухова и Екатерины Петровны Бутурлиной, в первом браке жена майора Гавриила Григоровича, во втором — подпоручика Юрия (Георгия) Адамова, в третьем — лейб-гвардии корнета Александра Недосекина. Скончалась в Кирманах 7 апреля 1841 г. от натуральной болезни, 10 апреля погребена при Трёхсвятительской церкви. Возраст умершей, указанный в метрической книге, — 90 лет (возраст умерших в метрических книгах зачастую указывался на глаз, что далеко не точно) [\[81\]](#). Третий муж Надежды Михайловны, Александр Пантелеевич Недосекин (ок. 1775 — ?), происходил из дворян Нижегородской губернии. Ещё в 1794 г. прапорщик Пантелеев Гаврилович Недосекин, его жена Аграфена Кирилловна (урожд. Перкина) и их дети Александр и Матрёна были внесены во вторую часть дворянской родословной книги Нижегородской губернии [\[88\]](#).

Согласно исповедным росписям за 1845, 1848, 1852 гг., Евдокия Каллиникова вместе с мужем и воспитанником проживала в своём имении в д. Князёвке в приходе Христорождественской церкви с. Кожина [\[70, л. 946; 73, л. 939об; 74\]](#). В росписи за 1852 г. значатся прапорщик Николай Александрович Недосекин (51 год), его жена Евдокия Клеоникова (45 лет) и их воспитанник Владимир (12 лет). У Евдокии от Костомарова и Недосекина законных детей не осталось. На межевом плане 10-й части пустоши Шараповой близ д. Князёвки владения Е. К. Недосекиной за 1853 г. её воспитанник поставил подпись как «проверенный г-жи Недосекиной воспитанник Владимир Александров» [\[91\]](#). В росписях за 1845 и 1852 гг. Недосекина была ошибочно записана как Клеоникова, однако Клеоник и Каллиник — совершенно разные имена. В Князёвке во владении помещицы было лишь несколько крепостных, о чём говорит ревизская сказка за 1858 г., в которой имеется подпись самой Недосекиной [\[7\]](#). Видно, что Евдокия состояла в тесных связях с Баженовыми. Известно, что полковник Всеивод Баженов подарил ей земельный участок в Арзамасе [\[66, л. 11\]](#). В 1866 г. второй муж Евдокии упоминался ещё живым [\[26\]](#).

Нет смысла оправдывать жестокое обращение Ольги Александровны Баженовой с крепостными, однако важно рассмотреть причины, которые могли привести к формированию её жестокого поведения. Было выяснено, что первая беременность Ольги в 18 лет обернулась выкидышем на втором месяце беременности. После этого она

рожала почти каждый год в течение 7 лет. Есть основания полагать, что отношения Ольги и её мужа были непростыми. По показаниям Петра Строкина, муж Баженовой однажды рассорился с ней и хотел было застрелить жену из двух пистолетов, но Строкин успел вырвать их у него из рук, чем спас майоршу от неминуемой гибели [\[27, л. 12\]](#).

Когда Баженовой было 25 лет, её муж внезапно скончался, оставив Ольгу одну с крупными долгами, судебными разбирательствами и пятью малолетними детьми, старшему из которых не исполнилось и семи лет, а младшему и четырёх месяцев. Из-за долгов семья чуть не лишилась всего имущества. Первоначально опекуном имения был назначен коллежский секретарь Александр Николаевич Жемайлов (помещик с. Кожина), при опекунстве которого, по словам Ольги, вотчина стала стремительно приходить в упадок. Впоследствии опекунство всё же вернули майорше. Баженова после смерти мужа очень нуждалась: в июне 1846 г. она сама сообщала, что детям даже курицы купить не может («в бытность мою в Нижнем Новгороде им [детям] курицы не давали, что засвидетельствуют сторонние люди») [\[89\]](#). Как показывает опекунский отчёт майорши за 1846 г., в этот период семья действительно была вынуждена затянуть пояса. В отчёте за 1846 г. было отмечено, что на содержание детей ушло 102 руб. серебром. Отчёты за последующие годы за иллюстрируют улучшение финансового положения семьи. В 1847 г. на детей было потрачено 200 руб., а в 1848 г. — уже 300 руб. [\[54, л. 20, 25, 27, 31\]](#).

В прошении императору Николаю Павловичу от 6 декабря 1846 г. Ольга писала, что «несчастные пять сирот за... долг должны лишиться последнего куска хлеба и умереть с голоду, потому я, как женщина, не имеющая никакого состояния, не могу пропитать их, они малы... отца и родных нет, кто ж будет содержать и воспитать их... не дай погибнуть бедным малюткам, окажи свою милость и спаси невинно гибнущее семейство от нищеты» [\[52\]](#). В январе 1847 г. умер во младенчестве её сын Всеволод. Кроме кредиторов Баженовой также докучали наследники имения её умершего мужа: его сестра Аграфена Всеволодовна (в замужестве Кудашкина) и Ксения Артемьевна Баженова (вдова Луки Всеволодовича Баженова, умершего в 1844 г. бездетным), от которых она смогла откупиться, чтобы те отказались от всяких претензий. В 1850 г. Ольга Александровна заложила всю арзамасскую вотчину своих детей в Государственном заёмном банке (сроком на 37 лет, сумма взятой ссуды — 32080 руб. серебром) [\[39\]](#).

В итоге Баженова всё же сумела наладить дела семьи и привести имение в порядок, однако можно предположить, что многочисленные трудности, с которыми Ольге пришлось столкнуться, внезапно свалившаяся ответственность и боязнь за будущее малолетних детей и вотчины могли расшатать её нервную систему, ожесточить характер и посеять в дворянке злость, которую она и вымешала на крепостных. Также здесь сыграло большую роль и само крепостничество, давшее помещикам вседозволенность и таким образом развратившее их. Видно, что больше всех от жестокости Баженовой страдали именно дворовые, и это неудивительно, ведь они жили при господском доме, всегда были на виду у помещицы и при случае сразу могли попасть под горячую руку разгневанной барыни. Впрочем, многие помещики злоупотребляли властью над крепостными, известный пример — Варвара Петровна Тургенева (1787-1850; урожд. Лутовинова), мать писателя Ивана Сергеевича Тургенева (1818-1883), которая также прослыла жестокой барыней.

Неудивительно, что окрестные помещики отзывались о Баженовой положительно и сообщали, что не располагают сведениями о её жестокости: они «покрывали» представительницу своей среды, в которой жестокое обращение с крепостными было нормой. Ещё в 1840 г. дворовые люди подпоручика Владимира Логиновича Бётлинга,

помещика с. Постникова Арзамасского уезда, совершили на своего барина покушение. Дворовые напали на Бётлинга в окрестностях его имения, и один из них нанёс Владимиру сильный удар дубиной по голове, однако помещику удалось спастись бегством. Обвиняемые в нападении признались, что намеревались убить Бётлинга, и причиной этому стало его жестокое с ними обращение. Владимир часто прибегал к телесным наказаниям своих крепостных. Примечательно, что окрестные помещики также или отзывались о Бётлинге положительно, или сообщали, что им ничего не известно о его жестокости.

За «дурное» обращение с крепостными имение помещика было взято в ведомство дворянской опеки, а сам Владимир переехал в Арзамас к брату Павлу Логиновичу и, возможно, больше никогда уже не жил в Постниково [\[84\]](#). В уездном городе Бётлинг начал карьеру чиновника, в ходе которой он дослужился до коллежского советника. Владимир умер в глубокой старости, согласно метрической книге Воскресенского собора г. Арзамаса, дворянин скончался 31 июля 1892 г. в возрасте 84 лет «от старческой слабости», 2 августа был погребён на арзамасском Всехсвятском кладбище (ликвидировано в советское время) [\[10\]](#).

В своём завещании архитектор В. И. Баженов призывал детей к заботе о крестьянах: «всячески старайтесь, чтобы крестьян излишно не отягощать работами ниже какими либо поборами незаконными и излишними... всегда помните, что и они наши братья, наши дети... просящему не откажите и помогите неимущим из крестьян ваших и таковым давайте всевозможную помощь» [\[3, с. 229\]](#). Тем не менее потомки архитектора, как выяснилось, не отличались гуманистическим, добросердечным отношением к крепостным, а жена его внука за жестокое обращение с ними поплатилась своей жизнью.

Однако случаев непомерного угнетения крепостных Баженовыми и другими помещиками в Арзамасском уезде было намного больше. Известный пример — поручик Фёдор Яковлевич Авдеев, помещик д. Шатовки и муж вышеупомянутой Анны Петровны, который в 1802 г. забил до смерти свою дворовую девку Стефаниду Васильеву. Согласно материалам Нижегородской губернской учёной архивной комиссии, в том же 1802 г. по решению Арзамасского уездного суда убийца был приговорён к лишению дворянства, чинов и ссылке на каторгу с отобранием его имения в ведомство дворянской опеки [\[17, с. 276-277\]](#), но документы показывают физическое присутствие поручика в Арзамасском уезде в 1806 и 1811 гг. при своих прежних регалиях. В 1806 г. своей подписью поручик Ф. Я. Авдеев засвидетельствовал документ, связанный с Владимиром Баженовым [\[50, л. 2106\]](#), а в 1811 г. он же поставил подпись на ревизской сказке своих дворовых и крестьян д. Шатовки, которые были в его полном владении [\[6\]](#).

В ходе следствия сознавшийся в убийстве Строкин и подозреваемые соучастники (Жданкины, Богатин и Ерёмкин) содержались в Арзамасском тюремном замке [\[27, л. 1306\]](#). 8 июня 1856 г. уголовная палата вынесла приговор в отношении Строкина. Убийца Баженовой был приговорён к публичному бичеванию (сто ударов плетью) и бессрочной ссылке на каторгу с наложением клейма на тело [\[27, л. 18\]](#). Предводитель дворянства А. Ф. Вешняков был освобождён от всякого взыскания, несмотря на нерадивое исполнение лежащей на нём обязанности по надзору за управлением помещичьими имениями [\[27, л. 2306-24\]](#). Александр Фёдорович прожил долгую жизнь, скончавшись 4 ноября 1872 г. в возрасте около 79 лет в своём имении в с. Архангельском-Кобылине, 6 ноября он был

погребён при Всехсвятской кладбищенской церкви [\[64, л. 246об\]](#).

В метрических книгах Никольской церкви Николаевского железоделательного завода Братской волости Нижнеудинского уезда Иркутской губернии за 1866-1868 гг. были найдены упоминания ссыльнокаторжного Николаевского завода Петра Савельевича Строкина в качестве поручителя на венчаниях и восприемника при крещениях [\[4\]](#). Дальнейшие упоминания пока не найдены. Скорее всего, убийца Баженовой так и сгинул на каторге. В отсутствие мужа Олимпиада Строкина прижила как минимум три незаконнорождённых ребенка: Анастасию (1857), Агафью (1861) и Дмитрия (1863). Агафья и Дмитрий умерли во младенчестве [\[14, л. 353об-354, 450об-451, 531об-532\]](#). В 1856 г. от кори умер единственный сын Петра Строкина — Иван [\[14, л. 335об-336\]](#). Также не позднее 1858 г. умерла Матрона Петровна Строкина. В 1861 г. упоминаются живыми две дочери Петра — Пелагея и Евдокия [\[77, л. 896об\]](#).

Олимпиада Николаевна, её внебрачная дочь Анастасия и мать Стефанида Михайловна (ок. 1800-1876) упоминаются в исповедной росписи церкви с. Кардавиля за 1875 г. [\[60\]](#). Жена убийцы помещицы Баженовой скончалась в Кардавиле 25 июня 1889 г. в возрасте около 61 года. Причина смерти — «простудой». 27 июня Олимпиада была погребена на приходском кладбище с. Кардавиля [\[62\]](#).

Андрей Ильич Жданкин, Степан Павлович Ерёмин и Фадей Васильевич Богатин в ходе следствия находились под стражей, но в итоге не понесли никакого наказания и были освобождены. Согласно метрической книге Покровской церкви с. Кардавиля, Андрей Ильич скончался в Кардавиле 12 апреля 1865 г. в возрасте 39 лет от чахотки, 14 апреля был погребён на приходском кладбище [\[59\]](#).

Что касается Севастьяна Фёдоровича Жданкина, то в ходе архивных поисков удалось выяснить, что в 1855 г. он был судим по делу об убийстве Баженовой и по решению суда оставлен в подозрении. По освобождении из заключения Жданкин вернулся в Кардавиль. Пробыв в имении не более двух месяцев, крепостной самовольно отлучился на два года [\[58\]](#). В 1858 г., пока Жданкин был в бегах, его 39-летняя жена Акулина Софоновна умерла от чахотки [\[14, л. 381об-382\]](#). Потомства Жданкины не оставили. Ещё в 1849 г. у них родилась дочь Гликерия, умершая во младенчестве [\[14, л. 205об\]](#). После 1849 г. никаких сведений о рождении у них детей найдено не было. В 1859 г. Севастьян был пойман и возвращён в Кардавиль. Однако как вредный для крестьянского общества, в том же году «совершенно испортившейся нравственности и совсем неисправимый в поведении» Жданкин был сослан на поселение в Сибирь [\[58\]](#). В исповедной росписи церкви с. Кардавиля за 1861 г. он не значится [\[77, л. 897-901об\]](#).

Близ Покровской церкви с. Кардавиля сохранилось беломраморное надгробие, которое в прошлом было увенчано белым крестом. Надпись на нём гласит: «Здесь покоятся Василий Всеиволодович Баженов, жена его Ольга Александровна, сын их младенец Всеивод». Как было установлено в ходе натурного обследования, памятник лежит внутри провалившегося склепа, и пока неясно, был ли склеп разорён и сохранились ли под завалами останки Баженовых? Тем не менее чудом уцелевшее в годы советской власти надгробие хранит память о сложной и трагической судьбе потомков архитектора В. И. Баженова — помещиков с. Кардавиля Арзамасского уезда.

Как же сложилась дальнейшая судьба детей убитой Ольги Александровны? В 1856 г., пока шло следствие, никто из её детей не проживал в Кардавиле. В исповедной росписи

за этот год указана лишь 17-летняя Мария Баженова, но она на исповеди в 1856 г. не была (значилась в отлучке один год) [\[76\]](#). До совершеннолетия всех детей Баженовой за ними и их владениями в Кардавиле и Корине в 1856-1861 гг. присматривала дворянская опека. В 1856 г. опекуном был Александр Фёдорович Тархов, в 1857-1859 гг. — ранее упомянутый Николай Павлович Жаров (коллежский асессор и кавалер), в 1860-1861 гг. — Мария Баженова (как старшая в семье) [\[57\]](#). Софья и Ольга в 1860 г. окончили институт благородных девиц. Софья была удостоена серебряной медалью, Ольга же окончила институт лишь с аттестатом [\[37, с. 129\]](#).

В исповедной росписи Покровской церкви с. Кардавила за 1861 г. значатся дети умершего помещика и майора Василия Всеволодовича Баженова: Александр (20 лет), Мария (22 года), Софья (19 лет), Ольга (17 лет). Согласно росписи, вместе с ними в имении также проживали вдова надворного советника Устинья Фёдоровна Струнина (67 лет) и её дочь девица Клавдия Александровна Струнина (35 лет). В росписи имеется ошибка: Устинья была вдовой коллежского советника [\[77, л. 896об\]](#). Мать майорши Баженовой пережила дочь почти на 10 лет, скончавшись в Арзамасе 12 октября 1864 г. в возрасте около 78 лет, причина смерти — «от преклонных лет». Устинья была отпета в Благовещенской церкви и похоронена на Всехсвятском кладбище [\[11\]](#).

После совершения выкупных сделок между крестьянами и Баженовыми (Кардавиль — 1867 г., Корино — 1872 г.) во владении Александра и его сестёр осталось больше 3500 десятин земли. Будучи латифундистами, Баженовы были достаточно состоятельными людьми. Как и многие дворяне после отмены крепостного права, часть земли они распродали, а часть заложили в банке. Также известно, что они зарабатывали продажей леса, которым были богаты их владения. Земли, пожалованные В. И. Баженову в 1796 г. за его великие труды, больше 120 лет продолжали кормить его потомков.

Александр Васильевич Баженов получил среднее образование в Нижегородском Александровском дворянском институте, где в 1860 г. окончил курс с серебряной медалью, а высшее — в Московском университете, где в 1865 г. окончил юридический факультет. 23 октября 1868 г. был внесён в третью часть дворянской родословной книги Нижегородской губернии [\[87\]](#). За свою продолжительную (около 40 лет) и плодотворную гражданскую службу в Нижегородской губернии Александр дослужился до действительного статского советника (1903). В 1905-1906 гг. занимал должность предводителя дворянства Нижегородской губернии. Александр так и не женился и потомства не оставил, уйдя из жизни холостым и бездетным. На нём в 1908 г. и пресеклась мужская линия рода Баженовых.

В метрической книге Александро-Невской церкви при Нижегородском Александровском дворянском институте, почётным попечителем которого в 1891-1897 гг. был Александр Васильевич, была выявлена запись о его смерти, произошедшей 8 ноября 1908 г. 67-летнего Баженова отпевали в домовой церкви института — альма-матер его юности. В записи о смерти указано, что он умер «от гриппа». В ней также сообщается, что потомственный дворянин был погребён 10 ноября в Спасском монастыре г. Арзамаса [\[61\]](#). Видимо, первоначально родные похоронили его в арзамасском Спасо-Преображенском монастыре, а после перезахоронили при Покровской церкви с. Кардавила рядом с родителями и умершим во младенчестве братом. Надгробие Баженова из чёрного гранита сохранилось, надпись на нём гласит: «Александр Васильевич Баженов скончался 8 ноября 1908 г.». Надгробие Александра и надгробие его родителей и брата являются двумя единственными сохранившимися надгробиями из

обширного некрополя рода Баженовых и требуют скорейших научных обследования и реставрации.

Ольга Васильевна Баженова также замуж не вышла и детьми не обзавелась. Марина Александровна Яхонтова (1912-2001) в своих мемуарах по дошедшем до неё слухам описывала Баженову как богатую старую девицу, окружённую штатом прислуги, и властную особу с резким, неприятным характером [\[112, с. 102\]](#). Видимо, Ольга походила характером на свою мать. После революции правнучка зодчего была вынуждена оставить своё имение в Кардавиле, которое она унаследовала от брата.

Покидая усадьбу, она взяла с собой и хранившийся у неё знаменитый портрет В. И. Баженова в кругу семьи. Вскоре после этого хутор Баженовой был разграблен и сожжён. Таким образом, именно Ольга Васильевна Баженова спасла от неминуемой гибели единственный известный **на данный момент** портрет зодчего, хранящийся ныне в собрании Музея архитектуры имени А. В. Щусева. После революции она проживала неподалёку от Кардавиля у своей бывшей горничной, храня портрет великого прадеда. Впоследствии полотно было выкуплено у Ольги за бесценок её племянником — Всеволодом Алавердиевичем Багадуровым (1878-1954). После смерти Всеволода его сын Георгий продал портрет Музею архитектуры [\[113, с. 271\]](#). М. А. Яхонтова писала, что Баженова скончалась в конце 1920-х гг. [\[112, с. 102\]](#)

В ходе настоящего исследования было выяснено, что Ольга Васильевна ушла из жизни 21 апреля 1930 г. в возрасте 85 лет в с. Архангельском-Кобылине Шатковского района Нижегородской области, где последняя носительница фамилии знаменитого архитектора, видимо, и была погребена, а её могила так и пропала в безызвестности (в 1951 г. с. Никольское-Кобылино и с. Архангельское-Кобылино Шатковского района были объединены в одно с. Архангельское).

Неизвестно, по какой причине Александр и Ольга Баженовы не обзавелись семьями. Возможно, если бы жизнь майорши Ольги Александровны Баженовой трагически не оборвалась в 1855 г., она бы прожила долгую жизнь и всё же побудила бы Александра и Ольгу пойти под венец и продолжить род. Но мать покинула детей тогда, когда они ещё были малолетними. Важно отметить, что до нас не дошли какие-либо мемуары потомков майорши, а в мемуарах Марины Яхонтовой нет ни слова об убийстве помещицы. Возможно, потомки жестокой барыни стыдились этой страницы истории рода Баженовых и держали её в тайне?

Что касается Марии Васильевны (в замужестве Фадеева) и Софии Васильевны (в замужестве Богодурова) Баженовых, то они обзавелись семьями, однако их судьба и потомки заслуживают отдельного исследования. Подводя итоги, можно отметить, что в современной исторической науке в настоящее время наблюдается «культурный поворот», в ходе которого происходит уход от макроистории к микроистории, от генерализированной истории к конкретной. В центре внимания историков, проводящих исследования в русле возрождающихся биографического метода и новой биографической истории, оказываются судьбы отдельно взятых людей. Таким образом, прибегая к биографическому методу, исследователь занимается реконструкцией биографий или так называемых персональных историй не только выдающихся, но и рядовых людей, а реконструируемые персональные истории необходимы для воссоздания событий прошлого и понимания исторической эпохи, в которой жили герои его истории.

Список сокращений

ГАИО — Государственный архив Иркутской области

ГАКО — Государственный архив Костромской области

ГАНО, г. Арзамас — Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас

РГБ — Российская государственная библиотека

РГИА — Российский государственный исторический архив

ЦАНО — Центральный архив Нижегородской области

ЦГА г. Москвы — Центральный государственный архив г. Москвы

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Библиография

1. Безверхий Д.В. Журналы Комиссии прошений как источник для реконструкции персональной истории потомков архитектора В.И. Баженова // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 4. С. 48-74. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.4.75302 EDN: ODOAWP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75302
2. Безверхий Д.В. Новые сведения о генеалогии семьи архитектора В. И. Баженова // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 4. С. 65-83. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.4.43716 EDN: UKLLMM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43716
3. Василий Иванович Баженов: Письма. Пояснения к проектам. Свидетельства современников. Биографические документы / Сост., вступ. ст. и примеч. Ю.Я. Герчука. М.: Искусство, 2001. 304 с.
4. ГАИО. Ф. 50. Оп. 9. Д. 1145. Л. 49, 58, 139, 142; Оп. 3. Д. 878. Л. 802.
5. ГАКО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 3356. Л. 240б.
6. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43. Л. 681об.
7. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. Л. 1-1об.
8. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 58. Оп. 1. Д. 51. Л. 85.
9. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 58. Оп. 2. Д. 1.
10. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 58. Оп. 2. Д. 4. Л. 376об-377.
11. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 64. Оп. 2. Д. 1. Л. 411об-412.
12. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1.
13. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 69. Оп. 1. Д. 6. Л. 269об-270.
14. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 111. Оп. 1. Д. 3.
15. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1. Л. 162.
16. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2. Л. 283.
17. Действия Нижегородской губернской учёной архивной комиссии: сборник статей, сообщений, описей и документов. Т. 8. Н. Новгород: тип. И.К. Владимирского, 1909. 419, 26, IV с.
18. Достоевский А.М. Воспоминания / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. С.В. Белова. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 397 с.
19. Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. 1821–1881. Том 2: 1865–1874 / Сост. И.А. Битюгова, В.А. Викторович, Е.И. Кийко, Т.И. Орнатская. СПб.: Академический проект, 1999. 583, [3] с.
20. Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1821. Ч. 2. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1821. [6], VIII, [2], 570, [1] с.
21. Московское училище ордена св. Екатерины, 1803–1903 гг.: Исторический очерк /

- Составлен по поручению Совета училища комиссией преподавателей под общей редакцией инспектора классов В.А. Вагнера. М.: печатня А. Снегиревой, 1903. VIII, 560 с.
22. РГБ Отдел рукописей. Ф. 172 к.132 №3. л. 120.
 23. РГИА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 6829.
 24. РГИА. Ф. 577. Оп. 21. Д. 122. л. 15-18.
 25. РГИА. Ф. 577. Оп. 21. Д. 283. л. 3.
 26. РГИА. Ф. 577. Оп. 21. Д. 350. л. 13об.
 27. РГИА. Ф. 1286. Оп. 16. Д. 942.
 28. РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 673. л. 317.
 29. РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1803 г. Д. 37. л. 5об-6.
 30. Русский биографический словарь. Том 9 / Изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. СПб.: Имп. Рус. ист. о-во, 1903. 708 с.
 31. Русский инвалид. 1825. № 74. С. 297.
 32. Русский инвалид. 1829. № 172. С. 686.
 33. Русский инвалид. 1829. № 196. С. 782.
 34. Русский инвалид. 1831. № 85. С. 338.
 35. Сайтов В.И. Московский некрополь. Т. 1. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1907. 517 с.
 36. Селунская Н.Б. Возрождение биографического метода: "история в биографиях" и "история через личность" // Биографический метод и эго-источники в исследованиях российской истории XVIII – начала XX в. СПб.: Алетейя, 2021. С. 8-20. EDN: MYWJTY.
 37. Снежневский В.И. Нижегородский Мариинский институт благородных девиц, 1852–1902. Н. Новгород: тип. У.А. Скирмунт (бывш. А.А. Ржонсницкого), 1902. 189 с.
 38. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 5615.
 39. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 46 (1853 г.). Д. 80.
 40. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 47. Д. 2888.
 41. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 48. Д. 5913. л. 141.
 42. ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239а. Д. 1108.
 43. ЦАНО. Ф. 118. Оп. 25. Д. 394. л. 1.
 44. ЦАНО. Ф. 118. Оп. 25. Д. 1176. 13-13об, 21.
 45. ЦАНО. Ф. 142. Оп. 756а. Д. 24. л. 4.
 46. ЦАНО. Ф. 153. Оп. 97 (1825 г.). Д. 1855.
 47. ЦАНО. Ф. 153. Оп. 97 (1829 г.). Д. 2053. л. 35.
 48. ЦАНО. Ф. 153. Оп. 97 (1843 г.). Д. 23.
 49. ЦАНО. Ф. 153. Оп. 97 (1844 г.). Д. 28.
 50. ЦАНО. Ф. 177. Оп. 766. Д. 677.
 51. ЦАНО. Ф. 177. Оп. 766. Д. 1618.
 52. ЦАНО. Ф. 177. Оп. 766. Д. 5002. л. 184-184об.
 53. ЦАНО. Ф. 177. Оп. 766. Д. 5004. л. 2.
 54. ЦАНО. Ф. 177. Оп. 766. Д. 5322.
 55. ЦАНО. Ф. 177. Оп. 766. Д. 6823.
 56. ЦАНО. Ф. 177. Оп. 766. Д. 7092.
 57. ЦАНО. Ф. 177. Оп. 766. Д. 8553.
 58. ЦАНО. Ф. 177. Оп. 766. Д. 10356. л. 1-2.
 59. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 3. Д. 195. л. 596об-597.
 60. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 3. Д. 516. л. 210об.
 61. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 3. Д. 1845. л. 5об-6.
 62. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 10. Д. 501. л. 19об-20.
 63. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 10. Д. 510. л. 293об-294.
 64. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 10. Д. 516.

65. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 10. Д. 531. Л. 59.
66. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 557 (1845 г.). Д. 87.
67. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 558 (1856 г.). Д. 313.
68. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 1046.
69. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 1212. Л. 1167.
70. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 1243.
71. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 1252. Л. 72об.
72. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 1257. Л. 789об.
73. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 1291.
74. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 1360. Л. 970об.
75. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 1408.
76. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 1425. Л. 775-775об.
77. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а. Д. 1504.
78. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559б. Д. 721. Л. 1248.
79. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559б. Д. 842. Л. 183.
80. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559б. Д. 1052.
81. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559б. Д. 1124. Л. 92об-93.
82. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559б. Д. 1540. Л. 473об.
83. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559б. Д. 1546. Л. 855об-856.
84. ЦАНО. Ф. 639. Оп. 124. Д. 3619.
85. ЦАНО. Ф. 639. Оп. 124. Д. 4287. Л. 5об-6, 6об-7.
86. ЦАНО. Ф. 639. Оп. 124. Д. 4303.
87. ЦАНО. Ф. 639. Оп. 125. Д. 6857. Л. 3-3об.
88. ЦАНО. Ф. 639. Оп. 126. Д. 9166. Л. 8, 14.
89. ЦАНО. Ф. 653. Оп. 129а. Д. 14. Л. 44-44об.
90. ЦАНО. Ф. 829. Оп. 676а. Д. 2168.
91. ЦАНО. Ф. 829. Оп. 676а. Д. 3710.
92. ЦГА г. Москвы. Ф. 4. Оп. 10. Д. 2159.
93. ЦГА г. Москвы. Ф. 32. Оп. 10. Д. 3283. Л. 1.
94. ЦГА г. Москвы. Ф. 32. Оп. 11. Д. 9998.
95. ЦГА г. Москвы. Ф. 50. Оп. 5. Д. 8064. Л. 3-3об.
96. ЦГА г. Москвы. Ф. 51. Оп. 8. Д. 149. Л. 167об.
97. ЦГА г. Москвы. Ф. 51. Оп. 18. Д. 70. Л. 583-583об.
98. ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 76. Л. 12об.
99. ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 330. Л. 158об-159.
100. ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 341. Ч. 8. Л. 496об.
101. ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 363. Л. 715об-716.
102. ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 373. Ч. 11. Л. 634об.
103. ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 745. Д. 385. Л. 1274об-1275.
104. ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 722. Л. 256об.
105. ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 1194. Л. 537.
106. ЦГА г. Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 2028. Л. 307об.
107. ЦГА г. Москвы. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 1774. Л. 124об-125.
108. ЦГА г. Москвы. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 2125. Л. 183об-184.
109. ЦГА г. Москвы. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 2379. Л. 308об.
110. ЦГА г. Москвы. Ф. 2125. Оп. 1. Д. 1024. Л. 150об-151.
111. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 126. Д. 1649. Л. 139об-140.
112. Яхонтова М.А. Наша корни / Вступ. слово А.А. Рыбаковой. Киров: Аверс, 2020. 152 с.
113. Яхонтова М.А. Моё время в моём восприятии. Т. 1. Киров: Аверс, 2020. 588 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Дело об убийстве майорши О.А. Баженовой: неизвестная страница истории рода знаменитого архитектора В.И. Баженова» представляет собой впечатляющее по объему привлечённых автором и вводимых им в оборот архивных материалов историко-биографическое исследование. В данной работе автор, отталкиваясь от конкретной персоны майорши О.А. Струиной-Баженовой, представляет довольно насыщенную фактурой картину жизни провинциального дворянства в предреформенные годы XIX века (1850-ые гг.). Заглавие работы («Дело об убийстве майорши О.А. Баженовой...») не совсем корректно отображает содержание работы, она значительно выходит за рамки упомянутой криминальной истории, собственно история убийства и последовавшего за ним расследования занимает примерно треть текста, однако в данном случае это не представляется недостатком работы т.к. заголовок способен привлечь читателя именно криминальным сюжетом, в то время как сам текст опять-таки обращается к гораздо более широкому кругу социально-экономических процессов/проблем предреформенной России (крестьянский вопрос, экономическое состояние провинциального дворянства и т.д.). Научно-методический компонент работы довольно скромен, автор логично определяет свой метод как просопографический т.е. история через персональные биографии, история через личность, реконструкция десятков персональных историй, которые в итоге сгладываются в достаточно репрезентативную социально-экономическую картину, позволяющую делать наблюдения и выводы более широкого плана. Несмотря на довольно слабо проработанный теоретический фундамент работы равно как и отсутствие выраженного заключения/выводов, представляется что значительная ценность работы заключается именно в создании развернутого мультиперсонального нарратива, который – будучи основан на вводимых в оборот архивных материалах (ЦАНО (г. Нижний Новгород), ГАНО (г. Арзамас), РГИА (г. Санкт-Петербург), ЦГА г. Москвы) позволит использовать раскрытие автором персональные истории майорши О.А. Баженовой и ее окружения в исследованиях более общего характера (крестьянский вопрос в Арзамасском уезде Нижегородской губернии в середине XIX века, история рода Баженовых, повседневная жизнь провинциального русского дворянства, преступность и правоохранительная практика в царской России. хозяйственный кризис дворянских имений накануне 1861 г. и др.). Работа в целом написана на должном научно-методическом уровне, представляет значительный интерес, вводит в оборот значительный объем архивных документов, сюжетно упорядоченных через многочисленные биографические нарративы. Возможно, в силу достаточно большого объема текста, для лучшего восприятия было бы уместно его деление на разделы, тем более что сюжетные нарративы меняются по ходу текста. Однако это не является принципиальным замечанием. Рецензируемый текст рекомендуется к публикации.